

Елизавета Дворецкая
КОРНИ ГОР
Книга первая. Железная голова

Елизавета Алексеевна Дворецкая
Корни гор. Книга
1: Железная голова
Серия «Корабль во фьорде», книга 4

Текст предоставлен издательством "Крылов!"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156593
Е.Дворецкая Железная голова: Крылов; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-9717-0666-3

Аннотация

Гельд Подкидыш – безродный торговец. Он не увенчан воинской славой. Такому человеку невозможно добиться руки красавицы из знатного фьялльского рода.

И все же судьба дает ему шанс оказать услугу самому конунгу. Близится очередная война, оружия не хватает, и Гельд, чтобы раздобыть необходимое железо, должен не только проявить все свое хитроумие, но и взять в руки меч.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	43
Глава 3	90
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Елизавета Дворецкая

Железная голова

*...ствол весь погибнет,
коль высохли ветки,
корень подрубишь —
и падает дерево...*
Старшая Эдда¹

Глава 1

Над Медным Лесом стояла полная луна. Солнце умерших заливало беловатым светом вершины гор, одна за другой убегающие вдаль, как застывшие серебряные волны. Долины, куда не доставали лунные лучи, заполнил мрак. Изредка луну затеняли облака, лучи обрывались, и тогда черные волны захлестывали и вершины. Но ветер тянул и рвал облака, неустойчивые отблески скользили по склонам, дразнили взгляд, сбивали с толку.

В мелькании серебристо-ледяного света и угольной тьмы сам Медный Лес казался ненастоящим, дрожал, колебался, грозил рассыпаться на блики и пропасть навсегда. Но женщина, стоявшая на вершине Пещерной горы над Великаньей долиной, обладала глазами ночи: она видела каждую скалу, четко, до трещинки, обрисованную лунным светом, каждую

вершину ели. Само ее лицо казалось белым, как луна, переменчивым, как облака, а в глазах переливались озера сумеречных теней. Длинные темные волосы спускались ниже колен, и неподвижно стоявшая женщина походила на высокий камень. Под этой луной не нашлось бы ни единой живой души, только горы, мох, вершины елей, и женщина была им сродни.

Ветер, гнавший облака, летел через вершину и свистел вокруг ведьмы Медного Леса. Протягивая руки ладонями вперед вслед ветру, она говорила нараспев:

Вождь Фьялленланда,
тот, что был отдан
Врагу Великанов
и смерти ветвей!
В час полнолуния
я заклинаю:
сон твой опутан
сетью моей!²

Голос ее был голосом горы: его сплетали острый стук камня и холодное журчанье ручья, шепот трав и шорох ветвей. Порой он взмывал выше и сливался с ветром, порой опускался и стлался по земле, полз невидимым змеем, заполнял собой Медный Лес и собирал в себя всю силу его корней и

² Враг Великанов – прозвище бога Тора; гибель ветвей – огонь. Таким образом иносказательно передано имя, включающее эти два понятия.

камней.

Слово от слова
слово рождало,
дело от дела
дело рождало;
Убийца земель,
посеял ты гибель, —
колосья шумят,
готовится жатва!³

Вскинув голову, женщина кричала, обращаясь прямо к небу, и лунный свет бросал в ее широко раскрытые глаза такие безумные и яркие отсветы, что, казалось, это ее глаза освещают небосклон. А голос ее наполнился силой, напился ветра и летел, могучий и гулкий, как сама буря.

Приди же на поле,
где вороны пили
кровавую брагу, —
твой кубок готов!
Твой путь неминуем —
тебя заклиная
лунным безумьем,
стоячей водою,
горящей землей,
стонущим камнем,

³ Слова Одина из «Старшей Эдды». Пер. А. Корсуна.

кровью остывшей,
смехом врагов,
неотплаченной смертью,
костром отгоревшим,
золой погребальной,
жилищем подземным,
что строят тебе!

Подхваченное ветром, заклинание взмыло в серое небо, полетело над лесистыми горами Медного Леса, над вересковыми равнинами Квиттингского Севера и над осинниками Рауденланда, над морем, изрезанным узкими длинными фьордами, над другими горами, высокими и скалистыми. Как стрела, пущенная точно в цель, заклинание летело над спящими землями, над тихими крышами, над тлеющими очагами, среди сотен и тысяч человеческих духов выбирая тот, к которому было послано.

И где-то в горной стране фьяллей, в населенном фьорде, в просторной многолюдной усадьбе, в большом спальном покое один-единственный человек заворочался на лежанке. Что-то чуждое и тревожное вдруг вошло в его сны, как незваный гость входит в дом, ударом ноги вышибая дверь; что-то невидимое душило его, давило на грудь. Сердце тревожно забилося, гоня по всему телу лихорадочную дрожь.

Спящий перевернулся с боку на бок, длинноволосая голова мотнулась из стороны в сторону. Он обладал ясным умом и сильной волей, не слабевшей даже во сне; все существо его

стремилось проснуться, вырваться из наваждения. Но незваная гостья его души, ведьма с лунным безумьем в глазах, не отпускала, а издалека метала одну за другой невидимые петли, стараясь обуздать и подчинить себе чужой дух.

Женщина на вершине горы стояла, вытянув руки вперед и закрыв глаза. Ее слух через моря и земли ловил трудное, сдавленное, лихорадочное дыхание спящего фьялля. Не открывая глаз, ведьма Медного Леса жадно вдохнула, точно у нее с жертвой было одно дыхание на двоих. В эти мгновения она видела дух врага перед собой как на ладони: изнемогающий, испуганный, жалкий. И тогда женщина засмеялась. Ее смех звучал негромко, отрывисто и судорожно, он вырывался из груди толчками, как по кускам. Так могли бы смеяться камни.

В те же мгновения спящий фьялль отвечал хрипом – и как похожи были его хрип и ее смех! Мужчина жадно ловил воздух, рука его бессознательно тянулась к горлу, точно хотела оторвать душащие пальцы, подбородок вздергивался, как от подступающей воды. Словно холодный водяной поток, его захлестывали неясные, томительные, ранящие образы. ...Остывший круг погребального костра, где в богатой ладье отплыли к Хель*⁴ оба его маленьких сына – серая зола, сизое тусклое железо, обгорелые кости в глубине, отвалы сырой, тяжелой, пронзительно пахнущей земли на склонах

⁴ Значения слов, помеченных звездочкой «*», см. в Пояснительном словаре в конце книги.

кургана... Лицо жены, что умерла от той же «гнилой смерти», покрытое страшными гнойными язвами, неузнаваемое и жуткое, как лицо самой Сестры Волка... * Поле Битвы Конунгов*, усеянное шевелящимися трупами, которые стараются повернуть к нему свои раны; глаза закрыты, но мертвые рты судорожно дергаются, хотят сказать что-то... И опять лицо жены... или Хель, лицо смерти, нависшее близко, близко, словно говорящее: ты – мой. Белое, как луна, с глазами, как озера подземного мрака...

Рука мужчины рванула ворот рубахи, задев амулет на груди – маленький кремневый молоточек на ремешке. Таких амулетов множество, но этот сделан из осколка самого Мйольнира* и много веков бережет род фьялленландских конунгов. И спящий проснулся: душащие холодные руки разжались. Еще не придя в себя, он рывком сел на лежанке. Спальный покой был полон дыханием спящих. Тонко и прерывисто похрапывает Бьяртир Лохматый, а Марвин Бормотун что-то неразборчиво шепчет во сне. В очаге между помостами сухие и толстые ясеновые поленья горят почти без дыма; иногда вспыхивает, проснувшись, язык желтого пламени, торопливо облизывает головню и прячется опять. Все как всегда. Все в порядке.

На соседней лежанке приподнялась светлеющая во тьме голова, молодой голос обеспокоенно спросил:

– Что с тобой, конунг?

– Ничего, – стараясь дышать ровно, ответил тот. Он не

мог признаться, что ему снятся дурные сны. — Что-то пить захотелось.

— Я сейчас принесу.

Арне сын Торира тут же соскользнул с лежанки и не обуваясь направился к двери. Было слышно, как он осторожно погружает деревянный ковшик в бочку с водой. Все в порядке. Все как всегда. Но почему-то Торбранд Погубитель Обетов, конунг фьяллей, уже которую ночь просыпается с чувством, что над ним нависла смертельная угроза.

...Квиттинская ведьма смеялась, запрокинув и подставив луне изломанное лицо. Но вдруг смех ее замер, руки упали, все тело застыло. Несколько мгновений она оставалась неподвижна, потом упала на колени прямо на камень, уронила голову и совершенно скрылась в потоке своих спутанных волос. Облитая слепящим лунным светом, она стала похожа на причудливый валун, одинокий на гладкой площадке вершины.

Потом из самого сердца камня вырвался короткий сдавленный звук, потом еще. Прижав ладони к лицу, ведьма Медного Леса рыдала, так же отрывисто и холодно, как недавно смеялась. Она была одна на всем свете, одна лицом к лицу со своей странной и злой судьбой.

Наутро Торбранд конунг вышел из спального покоя хмурый и усталый. «Будто всю ночь не спал, а сражался», — вполголоса заметил Хьёрлейв Изморозь. Нынешний

конунг фьяллей никогда не отличался красотой, но сейчас бледность, серые тени и морщинки под глазами, тяжесть опущенных век, какая-то особая резкость в чертах тонкого губого, длинноносого лица стали особенно заметны и делали его на вид куда старше тридцати шести лет, прожитых на свете.

– Уж не заболел ли он? – перешептывались обитатели усадьбы Аскегорд, прикрывая рты руками. Говорить о нездоровье конунга вслух глупо и опасно: можно накликать беду на все племя.

– У него такой вид, как будто его всю ночь мара* душила! – негромко бросил Асвальд сын Кольбейна. В ожидании вестей он, как и многие другие, являлся в усадьбу конунга спозаранку.

– Жениться ему пора, вот что! – отозвался один из хирдманов*, Орм по прозвищу Великан. Он был невеликим мудрецом и именно потому уверенно давал советы кому угодно. – Тогда уж будет не до мара!

Асвальд негодуя дернул острым плечом. Орм, конечно, не хотел его задеть, но он почувствовал обиду.

Возле них остановилась одна из женщин, Люна, шедшая от курятника с корзиной яиц. На ее щеках виднелись мелкие рубцы – следы «гнилой смерти», которой два года назад переболели в Аскефьорде многие.

– Жениться! Ты что, не слышал, что он говорит? – ответила она Орму. – Конунг сказал, что не женится, пока не

кончится эта война с квиттами! Потому что если он женится раньше, то Регинлейв больше не будет его защищать. А это может плохо кончиться!

— Эта война не кончится никогда, если то, что происходит сейчас, называется войной! — заметил Хьёрлейв Изморозь. — Ни одно племя не дает дани добровольно, значит, если мы хотим получать с квиттов дань, каждый год война будет начинаться заново! Клятвы в покорности — самые непрочные!

— Пора бы им вернуться! — вздохнула женщина, и все поняли, о ком она говорит. — А то нам будет нечем угощать ни богов, ни людей...

Люна оглянулась в сторону моря. Зимнего Камня отсюда не увидеть, но по вечерам солнце садилось почти над ним, а это значило, что зима совсем рядом, что пришла пора осенних жертвоприношений⁵. Осенние пиры после сбора урожая везде бывают самыми пышными, но в Аскефьорде все теперь иначе. Горная страна давала не слишком много хлеба, и конунги фьяллей никогда не были особенно богаты. А в последние годы, когда Торбранд конунг постоянно требовал войска, другой дани он почти не собирал. Конечно, походы на Квиттинг не оставались бесплодными, и новый конунг квиттов, Гримкель Черная Борода, однажды уже заплатил фьяллям дань. Что он даст сейчас? За данью отправил-

⁵ Осенние жертвоприношения совершались в начале зимы, то есть в конце октября.

ся молодой Хродмар ярл*, по прозвищу Удачливый, – человек стремительный, горячий, отважный и настойчивый. Он ненавидел квиттов; никто не понимал, как ему удастся сочетать эту ненависть с преданной любовью к жене-квиттинке, и Асвальд поговаривал, что у Хродмара, должно быть, две души. И ему давно пора бы вернуться...

Асвальд сын Кольбейна тоже смотрел на море. Два дня назад он вместе с Сольвейг ходил на мыс поглядеть, далеко ли от стоячего камня садится солнце. Ему было приятно вспомнить Сольвейг, но это же воспоминание разбудило досаду: почему он встречает зиму здесь, дома? Да, конечно, Ясеновый фьорд тоже нужно охранять. Но почему именно он? Разве тут мало народу? Вон, хотя бы Хьёрлейв! Человек вполне надежный...

За последнее время в Аскефьорде появилось много новых людей, и Хьёрлейв Изморозь в том числе. Два года назад, когда Торбранд конунг только задумал поход на полуостров Квиттинг, он несколько раз объезжал весь Фьялленланд, собирая войско. Многие из тех, кто ходил с ним на Квиттинг и вернулся, остались возле конунга, заменив тех, кому вернуться не довелось. Вот и Хьёрлейв оставил на родичей свою усадьбу и последние два года прожил в Аскефьорде. К тридцати годам он не совершил особо заметных подвигов, но приобрел славу человека твердого и здравомыслящего. Нос у него был заостренный и с легкой горбинкой, как у многих фьяллей, две небольшие залысины над широким лбом при-

давали ему вид умного человека. Щеки и подбородок покрывала легкая светлая короткая борода, серые глаза смотрели спокойно и внимательно. Говорил он мало, но каждый раз, когда раздавался его ровный голос, все вокруг замолкали и внимательно слушали.

– Было бы неплохо, если бы какие-нибудь уважаемые люди все же посоветовали конунгу жениться, – сказал он сейчас, пока Асвальд смотрел в сторону Зимнего Камня. – Помощь валькирии* – это хорошо, но если конунг не хочет жениться до конца войны, то он может погибнуть без наследников. Если бы ты, Асвальд, или твой отец поговорили с Хравном хёльдом* или с Кари ярлом, а потом все вместе – с конунгом...

Он не окончил: Асвальд с резким неудовольствием дернул плечом, и Хьёрлейв понял: пускаться в переговоры с родами своих соперников Асвальд Сутулый не будет даже ради такого важного дела.

– Если уж конунг не хочет жениться из-за Регинлейв, то пусть бы она хоть охраняла его по ночам от мары! – с досадой произнес Асвальд, чтобы хоть что-то ответить.

Ревность валькирии-покровительницы, из-за которой женитьба конунга откладывалась на неведомый срок, злила его гораздо больше, чем всех стоящих во дворе. Тому имелись причины. По этим-то причинам он и не хотел просить поддержки у других знатных родов Аскефьорда: еще подумают, что род из Висячей Скалы сам не может справиться со сво-

ими делами!

– А если конунг не женится, то его наследником станет Эрнольв Одноглазый! – вставил прямодушный Орм. – Да возьмут меня великаны, если это не так!

Асвальд смерил его ядовито-презрительным взглядом. помолчал бы, когда рядом стоят люди поумнее! Предположение, что после Торбранда конунгом может стать его дальний родич Эрнольв ярл, было Асвальду очень неприятно.

– Поменьше болтайте про валькирий! – предостерегла Люна и опасно глянула в хмурое небо.

– Эй, Арне! – Хьёрлейв окликнул молодого хирдмана, проходившего через двор. – Ты у нас всегда все знаешь про конунга. Кто так громко храпит, что мешает ему спать?

Арне сын Торира остановился и учтиво поклонился Хьёрлейву и Асвальду. Ему было лет двадцать, и в дружину Торбранда конунга он попал благодаря той же войне, потому что в мирное время низкий род не позволил бы ему занять такое почетное место.

– Да ничего особенного. – Парень пожал плечами, виновато посмотрел на Хьёрлейва, как будто сам за чем-то недоглядел. Светлые волосы падали на узковатые голубые глаза и придавали парню застенчивый вид. – Сейчас полнолуние, а он в полнолуние всегда плохо спит. Да и не он один...

– Полнолуние – время ведьм! – тревожно напомнила Люна.

– И пусть возьмут меня великаны, если та проклятая

квиттинская ведьма не принялась опять за свои мерзкие дела! – подхватил Орм.

– Помолчи! – оборвал его Асвальд. В Аскефьорде считалось неучтивым вспоминать о ведьме, принесшей всей земле фьяллей столько бед. – Если повторять одно и то же пожелание очень часто, то рано или поздно оно сбудется. Когда тебя возьмут великаны, тогда и будешь рассуждать о ведьмах с полным знанием дела!

Орм обиженно насупился. Он был среднего роста, а прозвище Великан ему принесла привычка при всяком случае повторять «да возьмут меня великаны». Этот Асвальд сын Кольбейна слишком много себе позволяет!

– Вот вернется Хродмар ярл! – попытался всех утешить Марвин Бормотун. – И конунг тогда повеселеет...

– Уж Хродмар лучше всех знает Квиттинг и тамошнюю нечисть, – пробормотал Асвальд. Его-то возвращение Хродмара ярла ничуть не порадует, привези тот хоть все сокровища Фафнира*! И чем больше Хродмар привезет, тем меньше Асвальд обрадуется.

– Да... Да уж... Долго их нет... – раздались согласные вздохи со всех сторон.

– Эй, фру Стейнвёр! – Хьёрлейв окликнул женщину, проходившую мимо. Одной рукой она крепко прижимала к себе горшок со сметаной, а во второй держала большую ложку и старательно облизывала ее на ходу. – Ты не знаешь, когда вернется твой сын?

С тех пор как больше двух лет назад жена Торбранда конунга, кюна* Бломменатт, умерла и в его роду не осталось женщин, фру Стейнвёр присматривала за усадьбой. Она была матерью Хродмара ярла, которого Торбранд ценил больше всех своих людей.

– Ингвильда говорила, что он ей снился, – ответила Стейнвёр, охотно остановившись. – А он ей снится только тогда, когда все хорошо. Значит, скоро вернется.

– Да, она же ясновидящая! – Люна улыбнулась. – Хродмару ярлу так повезло с женой!

Асвальд презрительно дернул углом рта, но при Стейнвёр не стал говорить, какого он мнения о женитьбе ее сына. Да и что говорить – про жену Хродмара и так все знают, что она...

– Повезло-то повезло, да какое уж теперь ясновидение! – Стейнвёр махнула ложкой. – Ей теперь не до того!

– Как ее здоровье?

– Неплохо, спасибо дисам*. Все точно как в прошлый раз. Мы думаем, что опять будет мальчик. Все приметы за то.

– Когда я был маленьким, у меня было двое старших братьев, – ни с того ни с сего заявил Арне. Все удивленно посмотрели на него, и он со вздохом добавил: – Один из них облизывал ложку изнутри, а другой – снаружи. А мне всегда доставался черенок...

Его грустный взгляд был устремлен на сметанную ложку в руках фру Стейнвёр. Спустя мгновение все сообразили, и раздался дружный смех. Стейнвёр сунула ложку Арне.

– Ты теперь будешь зваться Арне Черенок! – смеясь, начала она. – Оставь себе...

Вдруг все умолкли: в дверях хозяйского дома показался конунг. Собеседники мигом разошлись: Торбранд не любил, когда домочадцы говорили о нем и тем более беспокоились о его здоровье! Взгляд бледно-голубых, холодных и пронизательных глаз был так зорек и пристален, что каждому казалось: он по лицам поймет, о чем здесь говорилось, и даже увидит все произнесенные слова, как будто они зримо висят в воздухе.

– Съездите кто-нибудь... – начал Торбранд, потом взгляд его выбрал Арне. – Арне, ты! Съезди к Дозорному мысу.

Арне кивнул и побежал к конюшням. Ездить к устью фьорда, на мыс, выдававшийся далеко в море, не было особого смысла: там постоянно сменялись дозоры и даже стоял для них особый двор. Но в дни ожидания чего-то важного конунг часто посылал туда людей, точно это могло ускорить приход вестей.

– Конунг, позволь мне! – не попросил, а скорее потребовал Асвальд. Его обидело, что конунг обратился к безродному сыну рыбака или кто он там, не заметив его, сына ярла!

Торбранд посмотрел на него, качнул соломинкой, которую по привычке держал в уголке рта и покусывал.

– Не стоит, – спокойно сказал он. – Такое поручение недостойно тебя, Асвальд. Подожди, твое время еще придет.

Асвальд отвел глаза, не зная, понять это как упрек или

как обещание. Арне уже вывел лошадь из конюшни, когда в ворота влетел всадник и сразу соскочил на землю.

– Конунг! – радостно выкрикнул он, придерживая коня за гриву. Торбранд шагнул вперед за порог, вспомнив, что Грани Заплата был среди тех хирдманов, кто вчера вечером отправился на Дозорный мыс. – Корабли! Там корабли! Не меньше десятка! Это Хродмар ярл!

И тут все увидели условный столб дыма над Дозорным мысом. Фру Стейнвёр ахнула, вскинулась, будто хотела подпрыгнуть от волнения, но горшок сметаны ей мешал, и она торопливо завертела головой, выискивая, куда бы его деть. Оживленно гудящие женщины толпой посыпали из хозяйского дома ей навстречу, но Стейнвёр поймала кого-то, решительно всучила горшок, а сама побежала к воротам. Ключи у нее на поясе звенели, как оружие воина.

Время было не слишком подходящим для большого пира, но к вечеру в Аскегорд собралось столько народу, что поневоле пришлось готовить угощение. Заслышав, что вернулся Хродмар ярл с квиттинской данью, в усадьбу набилось все население фьорда, кроме разве что тролля из Дымной горы. Хродмара ярла ждали давно, и с самого утра знатные хёльды и простые рыбаки верхом и пешком, в одиночку и ватагами тянулись к Ясеновому Двору. Всем хотелось послушать, что расскажет Хродмар ярл о Квиттинге, и посмотреть, что он привез.

Усадьба конунга фьяллей выглядела ничуть не богаче усадеб его ярлов. Торбранд не был тщеславен или жаден и почти всю свою долю добычи раздаривал. Ведь хороший конунг – это тот, про кого скажут:

Щедро давал он
верной дружине
жаркое золото,
кровью добытое.⁶

Медвежья Долина, Пологий Холм, Висячая Скала и другие усадьбы Аскефьорда могли похвастаться ткаными коврами на стенах, серебряной и золотой посудой, а в Ясеновом Дворе главным украшением считалось священное дерево, растущее в полу посреди гридницы* и уходящее кроной выше кровли. Резьба скамей и столбов потемнела от времени, щиты над столами носили следы многочисленных ударов. «Гридницу украшает доблесть воинов», – говорил когда-то старый Тородд конунг. И его сын Торбранд не искал других украшений.

Гридница была полна и оттого казалась тесной: на длинных скамьях плечом к плечу сидели гости, пустовало только второе почетное место напротив хозяйского. И ожидало оно, конечно же, Хродмара ярла. Но тот все не показывался, и даже терпеливый Торбранд конунг беспокойно двигал

⁶ «Старшая Эдда». Пер. А. Корсуна.

свою соломинку из одного угла рта в другой. Это служило признаком недовольства, и Асвальд наблюдал за конунгом не без некоторого злорадства. Каждое мгновение задержки падало каплей меда на его гордую, но не лишенную некоторой завистливости душу.

В ожидании гости судачили: почти все уже видели мешки с квиттингским зерном и железные крицы, похожие на ноздреватые черные караваи. Остальное было ерундой: полотно, вяленая рыба, кожи, шкуры, немножко шерсти, немножко меда. Тоже полезные вещи, но нужны больше как товар: рыбы и шкур у фьяллей хватало. Им требовались две вещи: железо, которого во Фьялленланде почти не добывали, и хлеб, который здесь плохо рос.

Через гридницу к женской скамье прошла Эренгерда, сестра Асвальда. Почти все провожали ее глазами: высокая и стройная дочь Кольбейна ярла считалась самой красивой девушкой в Аскефьорде, а может быть, и во всем Фьялленланде. На пир она надела красное платье с сине-золотой тесьмой, а голову ее украшал золотой обруч с тремя полупрозрачными зелеными камнями. Эренгерда не любила его: слишком тяжело давил на голову, – но обруч входил в число Асвальдовой добычи, привезенной из первого квиттингского похода, и ради чести рода приходилось терпеть. А главным ее сокровищем были волосы: длинные, золотистые, они окутывали фигуру Эренгерды и так блестели в свете очагов и факелов, что девушка сама казалась живым пламенем, лу-

чом небесного света.

– Вот оно, золото, что освещает палаты богов! – весело крикнул Модольв ярл и подмигнул Асвальду, и тот не удержался от улыбки в ответ. В похвалах своей сестре он был готов согласиться даже с родным дядей Хродмара ярла.

При виде Эренгерды на душе у Асвальда посветлело. Он очень гордился ее красотой. Никто не скажет, что род Кольбейна ярла хочет подсунуть конунгу неподходящую невесту! Весь Аскефьорд еще два года назад знал, что овдовевшему конунгу было бы очень уместно посвататься к дочери Кольбейна Косматого и что он ни в коем случае не получит отказа. И конунг знал, но медлил. Из-за этой проклятой войны, из-за ревнивой валькирии Регинлейв, которая защищает в битвах только неженатого конунга фьяллей! Асвальд в досаде ударил себя кулаком по колену. Конунг слишком долго думает! А Эренгерда ждет. Такой знатной девушке не стоит торопиться с замужеством, но ей идет уже двадцать первый год...

По гриднице прошла волна гула и движения, и Асвальд торопливо повернул голову к двери. На пороге появился Хродмар ярл. Торбранд конунг выплюнул соломинку на стол. Мало кто добивался таких почестей в двадцать шесть лет от роду, как Хродмар сын Кари. Он самый первый из обитателей Аскефьорда познакомился когда-то с «гнилой смертью», и болезнь совершенно его обезобразила: розовые рубцы не оставили на лице ни кусочка гладкой кожи, черты быв-

шего красавца остались сглаженными, и только ярко-голубые глаза смотрели так же прямо и гордо. Его длинные светлые волосы были тщательно расчесаны и заплетены над ушами в две косы, как принято у знатных фьяллей, и нарядился он в синюю рубаху с вышивкой, соболью накидку и красный плащ с золотой застежкой. Асвальд презрительно дернул уголком рта. Можно подумать, что ему есть чем гордиться!

Как ни велико было нетерпение гостей, пир пошел принятым чередом: конунг поднимал кубки богам и предкам, гости поднимали вслед за ним. Не забыли и кюну Бломменатт, и двоих ее сыновей, и многих из тех, кто ради мести за погибших сложил головы на Квиттинге. Перечень звучал долго и наполнял смешанным чувством гордости и горечи. Сквозь дым очага из тьмы под кровлей на живых смотрели лица умерших, полузабытые голоса шептали из гущи ветвей священного ясеня. Торбейн сын Асмунда... да пирует он вечно в Палатах Павших*, и да будет наша память о нем крепче камня... Асвальд обернулся к женской скамье и посмотрел на сестру. Эренгерда была спокойна, и Асвальд снова почувствовал гордость. Брат их отца, которого Эренгерда так любила, погиб еще в первом походе два года назад, и она долго не могла вспоминать его без слез.

– Я вижу, ты привез хорошую дань, Хродмар ярл, – наконец, когда поминальные кубки подошли к концу, заговорил Хравн хёльд из Пологого Холма. – Но многие скажут,

что это меньше, чем мы ожидали. Разве в прежние годы конунг квиттов собирал столько? Пусть он отдает нам всего четверть, но и четверть должна быть побольше! Что ты на это скажешь?

Асвальд не слишком любил Хравна хёльда (это был отец того самого Эрнольва ярла, который мог сделаться конунгом), но сейчас целиком одобрил его слова. Гридница поухла, люди бросали взгляды то на Хродмара, то на конунга.

– Мы собираем дань не со всего Квиттинга, а только с двух четвертей, – напомнил Хродмар ярл. Его лицо стало замкнутым и решительным, как перед битвой. – Только с Запада и Юга, которые признают Гримкеля Черную Бороду своим конунгом. Восточное побережье платит дань слёттам, которые не пустили нас туда, а Север достался раудам, которые помогали нам пройти его. Теперь там хозяйничают люди Бьяртмара Миролюбивого.

– Но Квиттингский Запад и особенно Юг – самые плодородные области! – возразил Гейрольв из усадьбы Орелюнд. Это был жадноватый старик; хромота не пускала в поход его самого, но он уже поставил поминальные камни по сыну и младшему зятю и чувствовал за собой право встречать в квиттингские дела. – Там собирают хорошие урожаи!

– Но именно там были самые упорные битвы, особенно на Западе! – напомнил Кари ярл, отец Хродмара. – Твой родич Ари остался именно там, если я не ошибаюсь. Многие

усадыбы вовсе разорены, и никто ничего не сеял.

– А железо? – воскликнул Стейнар хёльд из Трерика. По гриднице пробежало движение: о железе думали все. – Ведь его добывают во внутренних областях, а там мы не были, и рауды тоже не были! Их железная добыча не пострадала, почему же так мало железа?

– Железо не ходит само! – отрезал Хродмар, и его глаза сердито сузились. «Ага, об этом тебе говорить не очень-то приятно!» – мысленно отметил Асвальд. – Железо нужно привезти из внутренних областей. А Гримкель этого не сделал. У него не слишком много людей, чтобы соваться в Медный Лес!

Гридница опять загудела, но быстро притихла. Во внутренней области Квиттинга, в так называемом Медном Лесу, где крылись основные залежи железной руды, бывал мало кто из фьяллей. Зато не было недостатка в страшных рассказах о буйстве неукротимой тамошней нечисти. Во взглядах, устремленных на Хродмара ярла, заблестело новое любопытство: все знали, что он там бывал.

– Я правильно понял, Хродмар ярл, что Медный Лес отказывается платить дань собственному конунгу? – наконец произнес Торбранд конунг.

– Да. – Хродмар ярл прямо взглянул на него, веря, что уж конунг во всем разберется. – Говорят, что в Медном Лесу собралось много народу из тех, кого мы выгнали с побережий и с Квиттингского Севера. Они отказываются призна-

вать Гримкеля своим конунгом.

– Но для нас это не слишком хорошо! – с неудовольствием заметил Торбранд. – Ведь эти люди могли бы дать вдвое больше железа!

– Они не так глупы, чтобы ковать нам мечи на самих себя! – почти злобно ответил Хродмар. Он разрывался между стыдом за полупроваленный поход и убеждением, что сделать больше было невозможно. – Я не думаю, чтобы мы сейчас могли их заставить!

С каждым словом этой беседы тайное возбуждение Асвальда все возрастало и возрастало: его вечный соперник уверенно ехал к канаве⁷. И тут Асвальд не выдержал.

– Кто стал бы с тобой спорить – среди нас нет никого, кто знал бы этот троллиный полуостров лучше тебя! – крикнул он. – Видно, столкнувшись раз с великаном, ты больше не хочешь с ним встречаться. Это вполне понятно и благоразумно!

Хродмар ярл повернулся к нему, в голубых глазах сверкнула острая искра бешенства. Асвальд был счастлив: да, он имел в виду именно то, что доблестный Хродмар ярл побоялся лезть в Медный Лес.

– А если кто-то сам чего-то не может, то ему вполне естественно вообразить это дело и вовсе неисполнимым! – продолжал Асвальд.

– А иные, я вижу, завидуют моей мудрости! – воскликнул

⁷ Поговорка «упасть в канаву» означает «опозориться».

Хродмар. От ревнивого и злого на язык Асвальда Сутулого он ничего другого и не ждал. – К счастью, опыт не ум: его можно приобрести со временем! Если кто-то считает квиттингскую нечисть небылицей, то он может съездить туда сам!

– Хватит вам браниться на радость квиттинским ведьмам! – вмешался миролюбивый Хравн хёльд. – Я согласен с Хродмаром ярлом. Сил человеческих не хватит на то, чтобы сражаться с тамошней нечистью. Мой сын Эрнольв достаточно рассказывал нам о ней.

– Больше испытаеть – больше и узнаешь! – пословицей дополнил Торбранд конунг. – Все это верно. Но верно и другое: этого железа нам мало, и всего прочего мало, чтобы железо купить. Я жду от вас совета, что нам следует сделать. Мы ведь рассчитывали на квиттингскую добычу.

– Если кто-то думает, что я не сделал всего возможного, он может отправиться на Квиттинг сам и исправить мои ошибки! – Хродмар все не мог успокоиться и сверлил Асвальда гневным взглядом.

– Я считаю, что ты сделал все возможное! – заверил его Торбранд конунг. – Но...

Гридница ждала продолжения, но он молчал. Он снова вспомнил свой ночной кошмар. Содержание сна невозвратно растаяло, едва лишь Торбранд открыл глаза, но осталось ощущение: на Квиттинге его ждет что-то важное. Что-то необходимое, что требует его возвращения туда, к земле его мести, его битв и его трудных побед. Что может он сам сде-

лать там, где ничего не сделал признанный любимец удачи Хродмар? Может быть, удача конунга окажется больше?

Да есть ли она вообще, его хваленая удача? Смерть жены и двух сыновей – не слишком большое везенье. Первый неудачный поход, потеря шестнадцати кораблей – тоже. А сколько погибших! А осенние пиры в Аскегорде, самые бедные среди усадеб конунгов во всем Морском Пути!

– Но думается мне, что ради этой дани нам еще придется потрудиться, – наконец закончил конунг, зная, что все, не исключая и священный ясень, ждут его ответа.

Гридница вздохнула. Это не решение. Но многие и обрадовались неопределенности ответа: собираться в новый поход на зиму глядя мало кому хотелось.

Торбранд прислушивался к шелесту кроны ясеня над крышей дома. В отверстие кровли слетел красный лист и упал прямо на стол. Это дерево несет каждое сказанное здесь слово прямо к богам. И поэтому он должен очень хорошо подумать перед тем, как что-то сказать.

– Вот что значит любимец конунга! – с не прошедшим за ночь раздражением рассуждал Асвальд утром, когда они вдвоем с Эренгердой шли от усадьбы Бергвегг – Висячая Скала – к вершине фьорда. – Любимец конунга будет прав всегда, даже когда он кругом не прав! Все, что он сделает, отлично! Все, что он скажет, умно! Да вздумай он ходить на руках – конунг скажет, что лучше и не придумаешь! Если

любимец конунга струсит, это назовут осторожностью и благоразумием! Если...

– Но ведь ты сам вчера так и сказал! – перебила его Эренгерда.

– Он понял, что я имел в виду! Если я скажу, что надо идти в Медный Лес и выколотить из тамошних троллей нашу дань, это назовут безрассудством! А если то же самое предложит Хродмар, это назовут доблестью и сложат пару хвалебных песен еще до того, как он спустит на воду корабль!

– Но когда-нибудь он ведь свернет себе шею!

– Он женился на квиттинке! – не слушая, восклицал Асвальд, хотя Эренгерда прекрасно это знала. – Уж если после такого можно сохранить дружбу конунга, то я не знаю, что нужно сделать, чтобы ее потерять! Наверное, ему надо было жениться на той ведьме, которая все это устроила. Конунг и тогда бы его простил!

– Завидуешь? – Эренгерда насмешливо покосилась на брата.

– Завидую! – прямо ответил Асвальд. – А почему бы мне не завидовать? Я ничем не хуже него! И род наш не хуже! Мне было бы стыдно не желать тех же почестей!

– Тех же тебе не видать, – заверила его Эренгерда. – Конунг просто любит его. А любят не за что-нибудь, а несмотря на все. Сплошь и рядом – самых неподходящих людей. Сам ведь знаешь!

Эренгерда метнула на брата насмешливо-многозначи-

тельный взгляд, но на этот раз он предпочел ее не понять. Глядя перед собой, он беспокойно подергивал узкими плечами, как будто продолжал с кем-то спорить. Асвальд был худощав и довольно высок ростом, но сутулился, как будто постоянно готовился пройти в низкую дверь. Его лицо с острым подбородком и острым носом могло бы считаться красивым, если бы не настороженный, язвительный взгляд больших зеленых глаз. С Хродмаром сыном Кари они были ровесниками и соперниками столько, сколько себя помнили, и несомненное предпочтение, которое конунг в последние годы отдавал Хродмару перед всеми, жестоко мучило Асвальда. Он не мог простить Хродмару того, что Торбранд конунг любит его неизвестно за что и несмотря на все, и постоянно придирался, выискивал недостатки и промахи соперника, точно насыщая ими свое вечно голодное самолюбие. Как человек неглупый, Асвальд понимал, что зависть его не красива, и старался скрывать неприязнь к Хродмару. Гордость боролась в нем с тщеславием, на людях он сдерживался, но с близкими отводил душу. Собственно, и в усадьбу Дымная Гора он шел с утра пораньше ради того, чтобы повидаться с дочкой Стуре-Одда, Сольвейг. Никто другой не умел так утешить его чувствительную и самолюбивую душу, как Сольвейг, светлый альв* Аскефьорда.

– Ой, смотри, вон он! – вдруг ахнула Эренгерда.

Асвальд поднял глаза, но вместо ожидаемого Хродмара увидел Торбранда конунга. Тот неспешно ехал по берегу

фьорда им навстречу, совсем один.

Эренгерда глубоко вдохнула, внутренне собираясь с силами перед этой встречей. Она затруднилась бы сказать, какое чувство вызывал в ней предполагаемый жених-конунг. Он казался ей слишком некрасивым, и сколько она ни приглядывалась к его продолговатому остроносому лицу, сколько ни заглядывала в умные голубоватые глаза, ей все никак не удавалось привыкнуть к нему. Она готова была признать за Торбрандом Погубителем Обетов множество достоинств: ум, здравомыслие, твердость, самообладание, предусмотрительность, дальновидность, щедрость... Но он замкнут и холоден, учтив только по обычаю, а не по сердечному влечению, скрытен и недоверчив. Отличные качества в конунге, но в муже... Как ни старалась Эренгерда настроить себя в пользу этого замужества, Торбранд оставался ей чужим. Гибкая, умеющая говорить как все, а думать по-своему, Эренгерда не противилась воле родичей, но и не досадовала на медлительность конунга. Она готова была смириться с этим замужеством, если оно ей суждено, однако в глубине ее души жила тайная, неприметная надежда, что судьба сложится как-то по-другому.

— Куда он мог ездить с утра пораньше? — тревожно спросил Асвальд. — И совсем один?

— Может, в Пологий Холм. — Эренгерда пожала плечами.

— Чего ему делать у Хравна?

— Радуйся, что он ездил не к Хродмару.

– Вот еще! Как будто мне больше и порадоваться нечему!

– Тогда не приставай ко мне! Я тебе не вещая вёльва*!

А Торбранд конунг провел это утро весьма необычным для себя образом. Второй ночью полнолуния он почти не спал, боялся задремать, чтобы снова не попасть в путы кошмара. Кошмар накинул на него лишь краешек своей темной сети, и поэтому Торбранд, почти мгновенно проснувшись, кое-что вспомнил. Ему снился Медный Лес, та небольшая его часть, что сохранилась в воспоминаниях конунга. Он видел даже не сам Медный Лес, а его ограду – рыжие кремневые скалы, которыми внутренняя загадочная область Квиттинга отделена от побережья. В его сне из-за гряды скал дул сильный ветер и что-то шептал; во сне Торбранд изо всех сил напрягал слух, стараясь разобрать хоть слово, но не мог. Ветер дул ему в лицо, но непонятная сила тянула против ветра, туда, за грядку рыжих скал, навстречу... Чему? Этого он не знал, но мучительно хотел знать.

Собирать дружину и рассказывать свои дурные сны означало бы своими руками копать себе могилу: Аскефьорд тут же наполнится страхом и самими неприятными ожиданиями. А совета все равно не дадут. Нынешним поколениям Аскефьорда не повезло с мудрецами, умеющими разгадывать сны. Что до молодой жены Хродмара, то к середине зимы опять ожидаются ее роды и ей, как справедливо говорит Стейнвёр хозяйка, не до ясновидения.

Из знающих с иными мирами в Аскефьорде имелись

двое: кузнец Стуре-Одд, водивший дружбу с троллем из Дымной горы, и Тордис дочь Хравна, родная сестра Эрнольва Одноглазого. Поразмыслив, Торбранд отбросил мысль о Стуре-Одде: ни кузнец, ни его приятель тролль не могут знать о Квиттинге ничего стоящего. А Тордис – другое дело. Боги дали ей способность видеть далекое. Она умела посылать свой дух в странствия, к ней шли, когда хотели узнать участь отсутствующих.

Дорогу Торбранд знал: от усадьбы Пологий Холм через лес тянулась заметная тропинка к избушке ведуньи. В Аскефьорде говорили, что с тех пор, как у Эрнольва родился первый сын, Тордис даже несколько раз навещала родной дом и в голове у нее малость посветлело. К Тордис ходили многие, но все же Торбранду было не по себе, как будто он собирался совершить что-то постыдное. Ему случалось видеть безумных, и вид их вызывал в его душе щемящее чувство, смесь страха и жалости, бесполезной и потому унижающей жалости к тому, кому ничем не можешь помочь. И где-то в глубине прячется страх: так и кажется, что жадный дух колдуньи сейчас сожрет тебя, потому что ему нужно очень много сил для его странной непостижимой жизни.

Торбранд медленно ехал по лесной тропинке, скользя взглядом по стене елей с правой стороны. Говорят, что избушка Тордис показывается неожиданно, будто сторожила путника в засаде. Торбранд не знал точного места и настороженно ждал, когда избушка появится. Он даже не заметил,

что под одной из толстых елей стоит женщина. Она плотно прижималась к стволу, и ее буроватое простое платье, ее длинные прямые волосы были почти того же цвета, что и еловая кора. Она пошевелилась; Торбранд вздрогнул, вдруг заметив ее, и ему на миг померещилось, что она просто вышла из ствола дерева. На него смотрело невыразительное, по-звериному настороженное, бледное лицо самого леса.

– Кто ты? – хрипло от неожиданности выкрикнул Торбранд, сдерживая коня.

И тут же понял. Никого другого тут и не могло быть.

– Ты – Торбранд конунг? – спросила в ответ женщина.

Она оторвалась от ели, как расхрабrivшийся ребенок от матери, и шагнула на тропинку. Между застежками платья на ее груди висело не меньше десятка серебряных цепочек разного размера и вида; они покачивались, позвякивали, как кольчуга, и удивительным казалось, что женщина выдерживает такую тяжесть.

– Ты – Тордис дочь Хравна? – спросил Торбранд. – Я искал тебя.

– Я знала. Я слышала, что ко мне едет важный гость. Твой конь так громко стучит копытами. Мы слышали. – Она погладила ладонью ближайшую ель.

Тордис оказалась не столь похожа на колдунью, как представлялось Торбранду по рассказам, и он вглядывался в лицо собеседницы, будто пытаясь найти что-то утаенное от него. Тордис дочь Хравна была худощава и даже худа, ее блед-

ное лицо, казалось, не имело возраста, как случается у незамужних женщин, когда минует пора юности. Она, помнится, старше Эрнольва, ей должно быть лет тридцать-тридцать два. Серые глаза смотрели настороженно, тонкие брови подрагивали, как будто она силится что-то сообразить.

– Я не хотел тебя потревожить! – сказал Торбранд. – Я хотел попросить: не поможешь ли ты разгадать мои сны?

Тордис подошла совсем близко и положила ладонь на морду коня, посмотрела сначала на него и лишь потом подняла глаза к всаднику.

– Я не разгадываю снов. – Она покачала головой, снизу вверх глядя в лицо Торбранду. – Сон – это маленькая смерть, уход отсюда... Я могу следить только тропы живых.

– Кто-то на Квиттинге думает обо мне, – решился сказать Торбранд. Во сне ему смутно мерещилось присутствие кого-то живого... или бывшего живого. – Ты не можешь узнать, кто это?

Тордис опустила глаза и задумалась, а может быть, стала прислушиваться. Если она сейчас покачает головой, то больше идти не к кому.

– Я принес... – Торбранд вынул из-за пазухи обручье, завернутое в лоскут. – Посмотри. Может быть, это что-то скажет тебе.

Тордис не сразу решилась взять обручье и стала медленно разворачивать его. Ее движения были такими опасливыми, точно она боялась, что вещь вдруг оживет и бросится на

нее. Торбранд и сам не знал хорошенько, зачем взял его с собой. Он слышал, что Тордис нужна для ворожбы какая-то вещь, а никакой другой вещи, прочнее связанной с Квиттингом, у него не имелось. У этого обручья была загадочная и, как видно, долгая судьба. Золотой дракон с блестящими, как звездочки, белыми камешками в глазах не мог быть сделан ни одним мастером Морского Пути, говорлинов, уладов – ни одним человеком известных земель. Может быть, его выковали свартальвы*. К Торбранду оно попало как наследство молодого конунга квиттов Вильмунда, окончившего жизнь на жертвенном копье. Этой жертвой Торбранд обеспечил себе ту победу, которая теперь позволила ему требовать дани. Но обручье едва ли приносит счастье. Не зря сам Один* советовал Торбранду никогда не надевать его.

Тордис развернула полотно и вдруг ахнула; едва она взяла золотого дракона, как пальцы ее разжались, она отскочила, а обручье с мягким стуком упало на тропинку. Конь Торбранда попятился. Обручье лежало между ними, и Торбранд некстати подумал, как хорошо цвет тусклого золота подходит к цвету порывевшей хвои.

– Что с тобой? – тревожно вскрикнул он. Можно подумать, что ей дали живую змею. Впрочем, тогда она не испугалась бы...

– Ах, как страшно! – Прижимая ладони к бледным щекам, Тордис отступила еще на шаг. – Как страшно! Смерть... Он умер... Он так страшно умер...

– Кто?

– Тот, кто носил это на руке... последним. Я вижу... Знаю, висел я в ветвях на ветру... девять долгих ночей... пронзенный копьем... посвященный Одину... в жертву себе же... на дереве том... чьи корни сокрыты... в недрах неведомых... – тяжело дыша, бормотала она, и Торбранд с досадой узнал отрывок из песни про Одина.

За этим не стоило ездить, эти речи он и сам знает на память ⁸.

Однако она правильно увидела образ смерти Вильмунда конунга. Торбранд заставил коня сделать два шага вперед, ближе к Тордис и обручью. Сойти на землю ему почему-то не пришлось в голову.

– Послушай! – позвал он, вглядываясь в лицо Тордис. Оно как-то затуманилось, задрожало мелкой судорогой, и Торбранд встревожился, что разговор не удастся довести до конца. – Тот, кто носил это последним, принес его из Медного Леса. Может быть, ты знаешь, что за силы скрыты в этом обручье. Попробуй узнать! Я награжу тебя! Я дам тебе все, что в силах дать!

Сказав это, Торбранд отметил про себя некстати пришедшую мысль. Во многих сагах рассказывается, как некий конунг вот так же обещает за помощь или пророчество все, что в силах дать, а потом оказывается, что его жена ждет ребенка. Он же мог обещать спокойно: у него нет жены, и никакая

⁸ «Старшая Эдда». Пер. А. Корсуна.

другая женщина не может ждать от него ребенка сейчас.

Тордис едва ли слышала его. Ее взгляд был прикован к лежащему на земле обручью, и с ним она вела неслышный разговор. Вот она сделала робкий шаг к обручью и по-детски уселась на корточки рядом с ним. Некоторое время она молча рассматривала золотого дракона, а концы ее длинных прямых волос лежали на земле. Торбранд молча ждал. Потом она осторожно, пересиливая нежелание, коснулась обручья кончиками пальцев. Золотой дракон оставался тих и неподвижен. Тордис закрыла глаза, и Торбранд затаил дыхание: сейчас колдунья пустится в странствия. Сейчас ее лицо судорожно задергается, а потом на нем проступят черты того, кого она ищет. Так точно, что люди узнавали в лице колдуньи лицо того отсутствующего, о чьей судьбе пришли узнать. Тордис морщилась, как от отчаянного усилия, ее черты исказились страданием; у Торбранда мелькнула мысль, что она силится пролезть в какое-то узкое отверстие и не может. Тордис все крепче сжимала веки, лицо ее стало похоже на мордочку ежа; вдруг она вскрикнула и упала на бок, свернулась в клубок и затихла.

У Торбранда оборвалось сердце. Этого он не ждал... что это значит? Он помедлил, потом сошел с коня, шагнул к лежащей колдунье, но тронуть ее не решился. Она лежала тихо, как мертвая. Мелькнула жуткая мысль: она умерла. Скажут, что конунг убил ее... пусть не сам, а своим поручением... И он так ничего и не узнает...

Тордис подняла голову, неузнавающе-испуганно глянула на конунга, потом поспешно вскочила на ноги, метнулась в сторону. Женщина всем телом приникла к стволу старой ели, прижалась к ней, как к матери, потом обернулась. Ее глаза с огромными черными зрачками мерцали с бледного лица, как болотные огоньки.

– Как тяжело! – вздохнула она. – Как тяжело! Ни за что больше не пойду туда!

– Куда? Что там?

– Там – Медный Лес! За этим драконом – сам Медный Лес! Его душа. Она зовет тебя! Она хочет...

– Что?

Вместо ответа Тордис прижала ладонь к глазам и помотала головой. Казалось, она уже забыла, о чем они говорили.

– Я должен идти туда, в Медный Лес? Да? – настойчиво расспрашивал Торбранд. Скорее, пока она не совсем обеспамятела!

– Его душа хочет твоей смерти, – выдохнула Тордис. – Это тропа в селения Хель... Не ходи. И не носи этого дракона. Он злой.

– Но я ведь должен узнать, кто ждет меня там и как с ним справиться!

– Пусть пойдет другой. Тот, кто еще там не был. Тот, кто не падал, идет смело. Кто не ушибался, не боится боли. Опыт спутывает ноги.

– Кто это? Кто должен туда пойти? Я не могу посылать

моих людей на бесполезную смерть!

Глаза Тордис были пусты и притом всезнающи – как у вещей вѣльвы, разбуженной заклинаниями Одина. Она смотрела на Торбранда, но едва ли видела его.

– Тот, кого ты встретишь первым, – ответила она, как в тех сагах, что он сегодня уже вспоминал. – Кому судьба.

Больше ничего не сказав, Тордис повернулась и исчезла среди еловых стволов. Торбранд подобрал с земли обручье, спрятал его за пазуху и пошел по тропинке к морю, ведя за собой коня. Где избушка Тордис, он так и не узнал.

Исполнение ее предсказаний не заставило долго ждать. Узнав в двух фигурах на тропе впереди Асвальда Сутулого с сестрой, Торбранд принял это как должное. Если бы тут оказался старый хромой Стейнар хёльд или раб с корзиной рыбы, то осталось бы надеяться на мудрость богов, которые выбрали лучше тебя. Но Асвальд сын Кольбейна – это тот, кто нужен. Он достаточно знатен и опытен, чтобы возглавить новый поход за данью. Но он еще не был в Медном Лесу и не знает, как тот кусается. А потому ничего не боится. И он терзаем тем самым горделивым честолюбием, которое толкает людей на подвиги.

– Здравствуй, Асвальд сын Кольбейна! – придержав коня, ответил Торбранд на приветствие и вежливо кивнул Эренгерде. Она отвела глаза, ничего другого и не желая. – Я помню, ты хотел посмотреть, что делается в Медном Лесу?

– Да, – ответил Асвальд, скрывая недоумение. Почему ко-

нунг об этом вспомнил?

– Приходи сегодня вечером в Аскегорд. Я объявлю, что поручаю тебе возглавить новый поход. Надеюсь, ты привезешь больше железа, чем Хродмар ярл.

Торбранд конунг поехал дальше, а брат и сестра остались стоять, изумленные этой внезапной переменой. Асвальд даже не радовался исполнению своей давней мечты: что-то было не так.

– Вот теперь у тебя будет возможность утереть нос Хродмару! – первой сказала Эренгерда. – Как будто он нас услышал!

– Возможность... – повторил Асвальд. К дарам судьбы он относился с подозрением, убежденный, что сами собой в руки падают только гнилые орехи. – Уж не решил ли он от меня избавиться? Хродмар ему насоветовал...

– Да ты же сам этого хотел!

– Хотел, но не так, чтобы это решал Хродмар! Он будет рад послать меня туда, где я опозорюсь! Чтобы не он один!

– Да при чем здесь Хродмар! С чего ты взял? Конунг его сегодня не видел!

– Он мог и вчера...

– Пойдем к Стуре-Одду! – выведенная из терпения Эренгерда потянула брата за рукав. – Может быть, Сольвейг выпросит у тролля из Дымной горы какой-нибудь подходящий амулет для тебя. И не переживай так. Через сто лет все забудется.

При упоминании Сольвейг Асвальд несколько просветлел. Обо всем этом надо рассказать Сольвейг. Она разбирается в таких делах лучше иных ярлов, хотя ей всего шестнадцать лет.

Глава 2

День, когда корабли фьяллей подошли к Острому мысу, выдался ветренным, порой принимался идти мелкий дождь. «Щетинистый» Асвальд шел первым, а за ним тянулось по серому морю еще шесть кораблей. Низко сидящие, гордо поднявшие резные головы на высоких крутых штевнях*, они напоминали стаю плывущих драконов с разноцветными парусами-крыльями. Половина парусов была некогда соткана руками квиттинок и досталась фьяллям как добыча. Из добычи происходил и парус «Щетинистого», с красными зигзагами на коричневом поле и с двумя широкими синими полосами сверху и снизу. «Путь человека между морем и небом», – сказала Сольвейг, когда увидела его. И почему-то вздохнула. Асвальд помнил усадьбу на рубеже западного побережья, где раздобыл этот парус. Правда, он помнил много таких усадеб. Эта отличалась от других тем, что на самом пороге горящего хозяйского дома погиб его воспитатель*, Ульв Заика. Асвальд не был особенно привязан к нему, но со смертью Ульва в его душе что-то оборвалось. Ему тогда уже исполнилось двадцать четыре года, но именно в тот день он ощутил, что предыдущее поколение отныне переложило весь груз жизненных забот на его плечи.

Следом за «Щетинистым» легко скользила по волнам «Рогатая Свинья», несколько чужеродный зверь в стае. Вме-

сто дракона с загнутыми козлиными рогами, что напоминают о двух небесных козлах, запряженных в колесницу Тора, на его штевне усмехалась свиная морда, вырезанная мягко и добродушно – с большим круглым пяточком, узкими глазами, огромными лопоухими ушами. Рога у нее тоже имелись – коровьи, красиво изогнутые и обращенные прямо к небесам. Асвальд видел эту зверюгу много раз, но и сейчас не мог удержаться от улыбки. Корабль для сыновей Стуре-Одда построил Эгиль Угрюмый, о чем легко было догадаться по рогам. Смеющаяся свиная морда чем-то неуволимо напоминала самого корабельного мастера. И Сольвейг она очень нравилась. «Значит, у вас тут поблизости живет тролль? – спрашивал Эгиль, когда сговаривался со Стуре-Оддом о постройке корабля. – И иногда выходит из горы погулять? Говорят, все тролли обожают свинину. Надо сделать так, чтобы вашему троллю понравился корабль. Уж тролли умеют позаботиться о том, что пришлось им по нраву!» И на штевне нового корабля появилась свиная голова.

Поселение на Остром мысу издавеча давало о себе знать целым лесом дымовых столбов. Уже теснились возле воды рыбацкие избушки с нахлобученными дерновыми крышами, возле них торчали жерди с растянутыми сетями, повыше темнели кривые полосы огородиков, сейчас пустые, присыпанные вялой травой. То и дело на берегу виднелись лодки, паслась серая коза, привязанная к колышку. Здесь тепло, гораздо теплее, чем во Фьялленланде. В земле фьяллей вся

скотина давно под крышей, жует сено и ждет весны. А здесь, говорят, можно пасти скот всю зиму. Если так, то квитты богатый народ! Глупо будет не взять с них еще чего-нибудь!

– Ого! – воскликнул Эймод, сын того самого Ульва Заики, еще не бывавший на Квиттинге. Налегая на весло, он время от времени оглядывался через плечо и вытягивал шею. – Вот уж не думал, что здесь осталось столько народу! Они что, плодятся как зайцы?

– Еще бы! – ответил ему Рэв, хирдман постарше, с которым они вдвоем сидели за длинным носовым веслом. – Сюда ведь сбежалась целая тьма всяких, кто раньше жил на Севере и на Западе. Видал, на побережье-то почти никого не осталось?

– Ну, так уж и никого? – не согласился Эймод. – Кто-то же остался!

– Ты не видел, сколько их было раньше. От одной усадьбы было видно дым другой. Это теперь... Половина из тех, что не в Хель, теперь здесь.

– А еще – в Медном Лесу! – подхватил гребец со второго борта. – Этим квиттам есть куда удирать.

– Хотелось бы знать – ждет нас Гримкель или нет? – спросил Хьёрлейв Изморозь. Они с Асвальдом стояли на носу «Щетинистого» и беседовали, внимательно оглядывая берег.

Асвальд пожал плечами.

– Если у кого-то была охота скакать верхом по зимней дороге, то, конечно, его могли предупредить, – отозвался

он. – Но я не думаю, что квитты слишком преданы своему нынешнему конунгу. Если в Медном Лесу ему не хотят платить дани, то едва ли кто-то на побережьях захочет утруждать себя.

Хьёрлейва в этот поход послал с Асвальдом сам Торбранд конунг, заметив, что полезно будет иметь рядом надежного человека. «Он будет присматривать за тобой! – смеялась дома Эренгерда. – А один ты перессоришься со всеми людьми, и ведьмами, и троллями Квиттинга!» «Я уже вышел из возраста, когда требуется воспитатель!» – буркнул в ответ сестре Асвальд. Но спорить с конунгом он не стал. Если тот считает нужным послать с ним «свои глаза» – пусть. Пусть посмотрит. Он не собирается делать ничего такого, что надо скрывать! И не так уж плохо, что это именно Хьёрлейв. Полезно иметь рядом умного и опытного человека, который, однако, не лезет с советами, пока их не просили. Самолюбивый Асвальд предпочел бы обходиться вовсе без чужих советов, но был не так глуп, чтобы воображать, будто действительно может без них обойтись.

Уже вскоре низко расположенный Острый мыс был виден весь как на ладони. Показалась первая большая усадьба – Хейнингорд, Двор Хейнингов. Последний ее хозяин, Брюньольв Бузинный, погиб полтора года назад в Битве Конунгов, и теперь усадьба стала чем-то вроде гостиного двора. Возле нее на берегу стояло несколько купеческих снек* – судя по виду, приплывших из самых разных земель.

– Сдается мне, что корабельные сараи превратились в жилые дома! – заметил Рэв, поглядывая на берег. – Ты только посмотри!

– Да возьмут их всех тролли! – ахнул Эймод, и Асвальд подумал то же самое.

Корабельные сараи и правда выглядели странно. Их большие, во всю стену, двери, через которые когда-то втаскивали корабли, оказались заколочены, а в створках прорезаны маленькие, обычные дверки в человеческий рост. Бревенчатые стены были проконопачены белым сухим мхом, под кровлями появились оконца, из которых вовсю валил дым. А из дверей то и дело показывались люди – мужчины, запахнувшие на бегу плащи, женщины с ложками, даже дети. Все они ахали, охали, прижимали руки к щекам, хлопали по бедрам, провожая корабли фьяллей открытыми ртами и испуганными глазами.

– Еще бы! – Хьёрлейв усмехнулся. – Ты же сам сказал, Рэв, что на Острый мыс набилось много беженцев из других мест. Им же надо где-то жить! А зачем строить дома, когда можно переделать корабельные сараи?

– Все равно у них больше нет кораблей! – добавил Асвальд и все же не удержался: – Да возьмут их тролли!

Корабли были первой данью, которую Торбранд конунг взял с квиттов. Здесь сочетался двоякий расчет: Торбранд приобретал ценное имущество и лишал квиттов возможности собирать войско. Без кораблей Гримкель конунг оказал-

ся как без ног. А при той дани, которую Торбранд конунг принудил их платить, квитанты не скоро найдут средства на постройку новых судов.

— Ты не хочешь ждать, чтобы Гримкель вышел встречать нас? — намекнул Хьёрлейв. — По-моему, он вполне мог бы оказать нам эту честь.

— Додумается — ему же лучше, а нет — мы ждать не будем! — Асвальд резко мотнул головой. — Нам от него приглашений не нужно.

Хьёрлейв слегка двинул бровями: тебе виднее, Асвальд ярл, ты назван вождем этого похода.

«Щетинистый» еще не пристал, а на берег уже сбежалась целая толпа. В основном это было любопытное простонародье: всякие рыбаки, мелкие бонды*, даже рабы. Женщины тянули шеи, выискивая на фьялльских кораблях знакомые лица. Кое-где раздавались смешки: «Рогатая Свинья» здесь еще не бывала. Но большинство смотрело с молчаливой тревогой. Асвальд глядел на берег, положив руку на борт и нервно притоптывая: если Гримкель конунг не захочет оказать ему должное уважение, пусть пеняет на себя.

Гримкель Черная Борода появился, когда все семь фьялльских кораблей уже были вытаснены на мерзлый песок. С конунгом квитантов пришло мало людей, не больше десятка. Бросив на него один взгляд, Асвальд понял, что Гримкель знал об их приезде, но старается изобразить недоумение. Его невзрачное лицо в окружении черных волос и бороды каза-

лось особенно бледным, рот беспокойно подергивался, глаза бегали из стороны в сторону. Полы коричневого суконного плаща были мокрыми, как будто их окунули в лужу. Короче, вид такой же жалкий, как и у всей державы квиттов.

Асвальд стоял на песке перед кораблем, расправив сутулые плечи и уперев руки в бока. На его лице застыло то надменное выражение, за которое его не любили, и смотрел он на квинтинского конунга с явным презрением.

– Приветствую тебя, приветствую, Асвальд сын Кольбейна! – торопливо заговорил Гримкель, не дойдя еще шагов десяти. – Если бы я знал, что ко мне плывут такие важные гости, то не заставил бы тебя дожидаться ни единого мгновения! Клянусь Волчьим Камнем!

«Врет! – уверенно отметил про себя Асвальд. – Знал. И ждать заставил нарочно. Уже клянется Волчьим Камнем в заведомой лжи. Этот их камень теперь только для наковальни и годится».

Не спрашивая, зачем приплыли фьялли, Гримкель конунг повел нежеланных гостей в усадьбу. Дружины всех семи кораблей не могли там разместиться, и Асвальд послал большую часть в Железный Пирог и Двор Хейнингов, взяв с собой только вождей и свою собственную дружину. С таким окружением он гораздо больше чувствовал себя здесь конунгом, чем бледный Гримкель. Да уж, хорошо быть победителем и плохо быть побежденным! Сольвейг сказала бы, что судьба переменчива и никто не знает, что случится завтра.

Вспомнив о девушке, Асвальд попытался смягчить надменное, чуть ли не брезгливое выражение своего лица, но получилось плохо – Гримкель конунг и все его люди не вызвали в нем уважения ни на единый пеннинг*. Ведь он задает пустые вопросы о погоде в пути не из учтивости и радушия, а только из желания оттянуть неизбежное. И дружелюбие его – притворное до тошноты. Понятно, почему горячий и прямодушный Хродмар приехал отсюда такой злой: всякая ложь была ему отвратительна.

Усадьба Лейрингов оказалась полна народу. В больших усадьбах всегда зимует множество торговых гостей, но сейчас тут вовсе не ощущалось присутствия хозяев. Ворота стояли нараспашку, запах навоза из хлева сбивал с ног, кругом щепки, всякий мусор, битая посуда, сломанная волокуша валяется полозьями кверху. Проходя через двор, Асвальд брезгливо кривился и подбирал полы плаща.

Внутри хозяйского дома было не многим лучше. В сенях храпела какая-то пьянь, из кухни несло густым запахом рыбной похлебки с чесноком. Двери спальных покоев стояли открытыми, изнутри доносились выкрики, дробный стук бросаемых на доску игральные костей, смех, проклятия. Кто-то бранился, рядом кто-то торговался и клялся пастью Змеи Мидгард* (значит, из племени грюннингов или граннов). В переходах толпился народ, несколько раз Асвальд едва не споткнулся о разложенные мешки и даже о баранью тушу. Тьфу!

При виде хозяина с фьяллями люди расступались, но многие, бросив лишь один равнодушный взгляд, снова принимались за свои дела. Торговых гостей не касались отношения квиттинского конунга с победителями-фьяллями. Слава Светлым Асам*, война закончилась, по морям снова можно ходить почти спокойно. Более или менее, как всегда.

В гриднице, слава Тору, торговой и бродячей швали не было: здесь сутились женщины, развешивая по стенам потрепанные ковры (хорошие тоже ушли на уплату первой дани, и у самого Асвальда в Висячей Скале имелся ковер здешней работы). Ими руководила неприятная, сморщенная, похожая на троллиху старуха – Йорунн хозяйка, мать Гримкеля конунга. Невзгоды, гибель большей части рода, непривычная бедность за последние пару лет состарили ее, совсем спрятали глаза в сетке морщин, согнули спину, сделали движения резкими и злыми. Но старая Йорунн старалась держаться, и ее твердый нрав не дал трещин.

– Шевелитесь, вы, неряхи! – покрикивала она на женщин, то хватая кого-то за рукав, то подталкивая в сторону. – Не сюда! Туда! У тебя глаза есть или нет? Да встань ты на скамью! Я что, все должна делать сама? Борглинда! Где эта бес-толочь? Асгерд! Где твоя дочь? Она принесет сегодня ключ, или мне идти самой? Да кто же так кладет дрова? Принеси совок, выгреби золу сначала, тут очаг не чистили с Середины Лета*! Ты что, вчера родился, телятина! Что вы будете делать, безголовые, когда я помру, хотелось бы мне знать?

Асвальд усмехнулся, но тут же постарался принять прежний замкнутый вид. Он хорошо помнил старую Йорунн. Полтора года назад, когда Гримкель ярл приносил фьяллям клятвы верности, она, не стесняясь, осыпала их всеми проклятиями, какие только могла придумать. Арнвид Сосновая Игла даже хотел убить ее, но Модольв Золотая Пряжка не позволил: в убийстве старухи не много чести, а если ее проклятья превратятся в предсмертные, то сбудутся непременно.

– А, уже пожаловали! – Завидев гостей, Йорунн хозяйка остановилась посреди гридницы и уперла руки в бока. Вид ее меньше всего можно было назвать гостеприимным. – Уже прибежали! Небось на берегу-то ветерком пробирает? Вот уж не знаю, где мне вас всех устроить на ночь! Если вы решили ходить к нам как к себе домой, то позаботились бы построить себе какие-нибудь конуры. У меня тут не Валхалла*, где пятьсот сорок палат!

– Я так помню, вся твоя мужская родня уже в Валхалле, а мы пока, так уж и быть, зайдем их места! – бодро ответил Гейрбранд Галка и потер свой острый нос. Он тоже знал старую Йорунн и не ждал от нее ничего другого.

– Да, моя родня в Валхалле! А вы пока сидите на их местах! Ведь неизвестно, попадете ли туда вы! – съязвила в ответ старуха. – Борглинда! Где ты ходила? Загляделась на красавцев фьяллей? Давай ключ быстрее!

Асвальд оглянулся. Из девичьей вышла молодая девуш-

ка, стройная и довольно высокая, выше Сольвейг. Ее густые темно-русые волосы плотными тяжелыми прядями спускались чуть ниже локтей. Лицо у нее было румяное, свежее, и черные брови выделялись издалека. Пожалуй, ей не больше пятнадцати лет, но многие сказали бы, что вид у нее не по годам гордый. Не глядя на мужчин, замкнутым лицом, как щитом, отражая брань старухи, девушка протянула ей большой железный ключ и вышла, не сказав ни слова.

– Садитесь! Прошу тебя, Асвальд ярл, садись сюда! – Гримкель указал на второе почетное сиденье, напротив хозяйского. Две женщины как раз покрыли его косматой медвежьей шкурой. На остальных лавках расстилали крашеное сукно. – Для вечернего пира будут резные доски! – уверял Гримкель. – Я уже послал людей к Арноре... От Брюньольва Бузинного осталась пропасть всякого добра... То есть оставалась раньше... Но резные доски у нее отличные! У нас будет пир на славу!

Асвальд отвернулся и поставил ногу на ступеньку высокого почетного сиденья. Если бы дань можно было платить одной угодливостью, то Гримкель конунг легко расплатился бы за все племя. Сердце Асвальда приятно грела гордость за себя и за Фьялленланд, а вид суеющегося правителя вызывал брезгливое презрение. Понятно, почему квитты так плохо сражались.

За его спиной Гримкель конунг обменялся с матерью беглым взглядом. Надменность слепит глаза хуже сырого дыма,

и управиться с этим ярлом будет нетрудно.

– Я рад, что квитты могут устраивать пиры и даже имеют резные доски для скамей! – заговорил Асвальд, усевшись. Гримкель тем временем устроился на хозяйском месте напротив, но и теперь, хотя они сидели на одинаковой высоте, Асвальд чувствовал себя больше конунгом, чем собеседник. – Но тем более удивительным кажется то, что ты отказался выплатить всю положенную дань. Ты дал даже меньше, чем можно собрать с двух подвластных тебе областей.

– Ох, Асвальд ярл! – воскликнул Гримкель. – Ты бы знал, чего мне стоило собрать даже то, что привез вам Хродмар ярл! Ты бы видел, что стало с землей квиттов...

– Да он видел! – встряла Йорунн. Прогнав женщин, сама она никуда не ушла и сидела возле Гримкеля. – Кто же все это сотворил, как не он и его доблестные воины! Вы сами отправили в Хель наших бондов, а теперь чего-то хотите от нас! Теперь они платят дань дочери Локи*! Если вам мало, то отправляйтесь туда и взыскивайте ваши убытки с нее!

– Кто здесь конунг квиттов? – жестко спросил Асвальд. Брань старухи ему надоела. – Ты, Гримкель, или твоя мать? Если она, то почему бы тебе не пойти... отсюда?

Послать конунга прямо в девичью за прялку он не решился: не слишком хорошо покажет себя тот, кто начнет разговор с оскорблений.

– Помолчи, мать! – свирепо рявкнул Гримкель. Он покраснел, и с него разом слетела суетливая угодливость, даже

голос стал густым и грубым, как рев морского быка. – Дай мне поговорить с гостем! Ступай распорядись насчет меда! Пока вы соберете ужин, можно с голоду помереть! Ступай!

Йорунн дернула головой, как будто хотела плюнуть, встала и поковыляла к двери. Весь ее вид говорил, что она уходит не по приказу, а потому, что ей противно здесь оставаться.

– Я знаю, что многие ваши земли разорены, – продолжал Асвальд, не дожидаясь, пока старуха закроет за собой дверь. – Но это твое дело – собирать дань, для этого ты и назван конунгом. Для того Торбранд конунг заключил с тобой мир. Если бы он думал, что ты не сможешь выполнить условия, то сейчас конунгом квиттов назывался бы кто-нибудь из наших людей. И собирал бы все, что положено! А еще я слышал, что одна из ваших областей не пострадала, а, напротив, оживилась из-за этой войны. Я говорю о Медном Лесе. Там заметно прибавилось народу. И там столько железа, что вы могли бы платить всю дань только им! Ты сам об этом не подумал?

– Медный Лес! – повторил Гримкель, будто не совсем понимал, что это такое. – Должен сказать тебе, Асвальд ярл, что в словах твоих много правды. Там столько железа, что... э... как на берегах моря песка. Но его ведь надо добывать. Надо копать руду, надо жечь уголь, плавить... э... ковать крицы. Я не могу послать моих хирдманов это делать.

– Ты – конунг квиттов, – напомнил Асвальд. – И это твоя забота, кого ты туда пошлешь. Но мне думается, что тамош-

ние люди и сами все это делают. У них ведь нет другого средства прокормиться. Они готовят крицы, чтобы потом менять их на хлеб и прочее. Почему ты сам не выменял всю ту рыбу и сукно на железо? Если ты не можешь сделать такого простого дела, то я пойду туда сам! Но только уже не с обменом. А просто возьму то, что мне причитается по праву.

– Ты хочешь идти в Медный Лес?

Гримкель вытаращил глаза. Асвальд посмотрел ему в лицо и понял: за показным изумлением и ужасом хитрец скрывает искреннюю радость. Даже недоверие, что все может сложиться так замечательно. Да он сам боится своего Медного Леса как огня! И счастлив, что опасное дело за него сделает кто-то другой.

– Я сам пойду туда, – подтвердил Асвальд. – А ты позаботься достать нам лошадей и припасов на дорогу. У меня почти двести человек. Нам нужно... дней на десять. И постарайся найти место в сараях для наших кораблей. И чем быстрее ты все приготовишь, тем меньше мы будем обременять тебя здесь.

Гримкель открыл рот. Было видно, что он лихорадочно прикидывает, где взять столько еды и сколько лошадей нужно для ее перевозки.

Дверь с резким визгом распахнулась. Вошла Йорунн, за ней две женщины втащили большой котел с медовым напитком, спешно подогретым на кухне. По гриднице поплыл сладкий беловатый пар с запахом мяты. Несколько женщин

следом несли кубки и сосуды, маленькие ковшички, чтобы хватило на всех. Самой последней шла Борглинда с наполненным золоченым кубком на высокой ножке. Не поднимая глаз, девушка приблизилась к сиденью Асвальда.

Значит, она из рода хозяев и, как видно, лучшая, кто у них остался. Помедлив, Асвальд встал. Победитель – тоже гость. Другое дело, если бы угощать его взялась сама старая троллиха Йорунн. Но ему было бы стыдно обидеть невежливостью эту девушку, почти девочку, которая даже моложе Сольвейг.

– Прими этот кубок в знак нашей дружбы, Асвальд ярл, сын Кольбейна, – ровным, невыразительным, но твердым голосом сказала девушка. Она собиралась четко выполнить все предписанное обычаем, но не скрывала, что чувства ее совсем иные. – Мы, род Лейрингов, и я, Борглинда дочь Халькеля, желаем тебе здоровья и благополучия под нашим кровом.

Асвальд взял кубок. Дочь Халькеля... Того самого Халькеля Бычьего Глаза, который стал первым погибшим в Битве Конунгов и тем приобрел легендарную славу.

Передавая кубок, Борглинда посмотрела ему в лицо. В полутьме гридницы зрачки ее стали такими огромными, что цвет глаз было невозможно разглядеть. Не голубые, это уж точно. У Сольвейг серо-голубые глаза, самые красивые на свете... Между Сольвейг и Борглиндой не находилось ничего общего. Девушка из рода Лейрингов смотрела прямым

и вызывающе-неприязненным взглядом. Это выражение вызова не слишком сочеталось с ярким, детским румянцем и вздернутым кончиком носа, и Асвальду даже стало смешно. Вот это нашелся достойный противник! Не то что Гримкель! Братья Сольвейг умерли бы от смеха... Ее можно назвать красивой, однако если у нее нрав, как у Йорунн...

– Благодарю тебя, Борглинда дочь Халькеля, – ответил Асвальд, не решив, относиться ли серьезно к этой полудетской враждебности. – Я постараюсь сделать все, чтобы ваш род не жалел об оказанном нам гостеприимстве. Все, что от меня зависит.

Девушка не ответила.

– Давайте быстрее! Ужин готов наконец? Несите все скорее, наши гости голодны! – суетился Гримкель конунг.

Женщины волокли котлы и блюда, гридница быстро наполнялась людьми. Асвальд обернулся, собираясь вернуть пустой кубок, но Борглинда исчезла.

Насчет резных досок Гримкель конунг не обманул: рабы притащили их и приладили ко всем скамьям в гриднице. Но веселья они не прибавили, и пиру в усадьбе Лейрингов явно не хватало единодушия. Фьялли разговаривали мало и только между собой, квитты косились на чужаков и шепотом пересказывали друг другу беседу Асвальда ярла с Гримкелем конунгом. Весело и оживленно держались только торговые гости: им не было особого дела до хозяйских бед, и они везде

чувствовали себя дома. За столами увлеченно обсуждались сделки, передавались сведения и слухи.

– В Ветроборе хлеб дешев, дешевле только даром! У говорлинов урожайный год, туда столько навезли...

– У кваргов тоже! Рамвальд конунг сам ездил! Говорят, хотел свататься к какой-то тамошней красотке, но привез один хлеб! С таким носом, как у него, только и свататься к красоткам!

– Кто поплывет к Воротам Рассвета, смотрите в оба глаза! Там объявился плавучий камень! Что – вру! Чтобы мне всегда так ввали! Плавучий камень! Только что не было, и вдруг – хрясь! – ты на нем сидишь! А чтобы он не плавал, надо жертву...

– Ох, каких я коней видел летом в Эльвенэсе! Каких коней!

– Расскажи, Бьёрн, зачем ты таскаешь с собой точило? Разве ты такой воинственный человек, что тебе приходится часто точить оружие? Ха-ха!

– Много ты понимаешь, Ульв! Точило выручает меня на море! Ведь кусок точила застрял во лбу у самого Тора, ты знаешь об этом? Если мне грозит буря, я бросаю мое точило поперек корабля! Тогда и Торово точило начинает шевелиться, и он понимает, что кому-то приходится в море трудно! И помогает! Теперь будешь знать!

– Поищи где-нибудь еще такое сукно за такую цену! Ищи хоть до Гибели Богов!

— А с Медным Лесом у них ничего не выйдет! Говорят, там завелся свой собственный хёвдинг*. Понятное дело, его никто не выбирал, только все ему подчиняются. И это он сказал, что никакой дани и никакого железа! Кто, говорит, заплатит дань, того я...

Асвальд повернул голову и стал искать глазами говорящего. Им оказался пожилой торговец, из граннов, судя по серебряной гривне* в виде змеи, обвивающей шею.

— Да зачем им хёвдинг! — воскликнул кто-то из соседей по столу. — У них там всем заправляет великан и его жена-ведьма! Вот кто настоящий хёвдинг Медного Леса! И если бы у меня была голова на плечах, я не стал бы туда соваться.

Борглинда дочь Халькеля при этих словах посмотрела на фьялльского ярла. Слышал? Он небрежно усмехнулся: для себя, конечно, Асвальд ярл все угрозы считает несущественными. Ну и пусть идет, если такой умный! Он сам этого хотел! Борглинда никогда не бывала в Медном Лесу, но слышала столько рассказов о великане, который появился на поле Битвы Конунгов... Интересно, а Асвальд ярл там не был? Если был, то почему же так в себе уверен? А если не был, то он — пустой болтун, хоть и горд, как сам Один!

— Поди пригляди за медом! — Йорунн хозяйка толкнула ее локтем. — Нечего пялить глаза на этого фьялля! А не то он начнет пялить глаза на тебя, а у нас нет дружины, чтобы защищать твою честь!

— Он же принял у меня кубок! — возмутилась Борглинда.

Надменный и холодный фьяльль все же имел вид благородного человека, а она не терпела, когда людей порочили понапрасну. – И обещал, что мы не будем жалеть о гостеприимстве!

– Ты их больше слушай! Фрейвид Огниво как-то тоже принимал их в гостях! С того-то все и пошло! Хорошо же они ему заплатили – усадьба, небось, травой поросла! Хочешь пойти следом за Фрейвидовой дочкой, которая теперь в рабынях у того рябого урода?

– Она не в рабынях! – пылко воскликнула Борглинда. – Она его жена! Они обручились с согласия ее родичей, и Хродмар обменялся подарками с Фрейвидом!

– Зато вено* не платили! Едва ли фьялли считают ее его законной женой! Ты пойдешь или нет? Или я сама буду все делать, пока не помру?

В кухне тоже было полно народу, квиттов и всех прочих вперемешку. Раздавался стук игральных костей, разногolosый смех. Две молодые служанки стояли возле кружка гостей, но при виде Борглинды кинулись мешать в котле. Их ложки сталкивались, при этом девушки бросали друг на друга многозначительные взгляды и фыркали от смеха над чем-то совсем другим.

В самой середине кружка сидел какой-то высокий худощавый парень с продолговатым лицом и светлыми, почти серебряными волосами, обрезанными так, как носят в племени барландцев: сзади они достигали плеч, а спереди – середи-

ны лба. Потряхивая в руке деревянный стаканчик с костями, он увлеченно рассказывал что-то. Борглинда поймала ухом несколько слов:

– ...Тогда наш умный Грам вымазал себе лицо сажей, а на грудь приладил железную крышку от котла и в таком вот виде пошел к кургану. И вот в полночь курган раскрывается и вылезает оттуда мертвец, то есть Хари бонд. А Грам расхаживает себе вокруг кургана, будто так и надо. «Ты что, – спрашивает Хари бонд, – тоже мертвец?» – «А как же? – отвечает Грам. – Сам потрогай!» Хари потрогал – и правда грудь холодная...

Слушатели смеялись, и Борглинда медлила, прислушиваясь. Ее было приятно хоть ненадолго отвлечься от фьяллей, дани и Медного Леса.

– ...До самого утра они пересчитывали серебро, а как Хари мертвец захотел его спрятать обратно, Грам его все взял и рассыпал по земле вокруг, – оживленно рассказывал парень, и в голосе его слышался теплый призыв скрытого смеха. – Хари спрашивает: «Ты чего делаешь?» Грам отвечает: «Сею! Если под полной луной посеять серебро, то из каждого пеннинга вырастет эйрир*!»

Заслушавшись, Борглинда хохотала вместе со всеми, забыв и о меде, и о Йорунн, о пире, о фьяллях – обо всем, что не давало ей смеяться в обычное время. Смех у нее оказался такой звонкий, что парень-барландец бросил на нее быстрый взгляд поверх голов прочих слушателей и заговорил еще

увлеченней:

– ...Хари мертвец собрал было все деньги, а Грам их опять рассыпал. Хари говорит: «Ты не покойник!» А Грам ему отвечает: «Сам ты не покойник!»

Борглинда чуть не плакала от смеха. «Сам ты не покойник!» Это же надо придумать! Парень опять посмотрел на нее: глаза у него были светлые, узковатые, блестящие живо и весело. Он казался человеком какой-то другой породы, потому что жил совсем другой жизнью: без крикливой старухи тетки, без унижительной бедности, без вечной боязни проклятых фьяллей. Он сам себе хозяин, не привязанный к девичьей и к прялке, не боится за свою честь, видит разные земли и никому не кланяется. Он может быть веселым...

– А потом Грам женился на вдове, и у них родилось восемь детей! – ко всеобщему удовольствию закончил парень и ловко выбросил кости на подложенную доску. – Ну, что я тебе говорил, Фрем? Двенадцать! Смотри сам! Ты умеешь считать до двенадцати?

Несколько голов столкнулось над доской, а парень опять посмотрел на Борглинду. Она опомнилась: девушке из рода Лейрингов не очень-то пристало слушать болтовню заезжих торговцев. Но уходить отсюда назад к Йорунн и фьяллям не хотелось, и Борглинда все медлила, стояла возле кружка гостей и челяди, не сводя глаз с веселого парня, как медлит путник холодным вечером возле чужого костра.

– Да ты, парень, и кости умеешь заговаривать! – с неудо-

вольствием проворчал бородатый вандр.

– Э, брось! – Парень махнул рукой. – Все у тебя на глазах! Спроси у кого хочешь: Гельд Подкидыш играет честно!

– А рассказывает? – спросила Борглинда. – Это все правда, что ты тут наговорил?

– Нет! – охотно отозвался парень, явно довольный, что она к нему обратилась. – Наврал половину. Но мне сдается, что эти добрые люди на меня не в обиде! Кстати, это правда, что Грам женился на вдове и у них родилось со временем восемь детей!

Слушатели пересмеивались, поглядывая на них обоих.

– Ты торгуешь лживыми сагами*? – опять спросила Борглинда.

– Лживые саги я раздаю бесплатно! – Гельд улыбнулся ей так открыто и дружелюбно, что Борглинда не в силах была удержаться от улыбки в ответ. – Сколько тебе надо, о прекрасная липа обручий? Тебе я готов рассказывать саги хоть до утра.

– В укромном темном месте! – добавил обиженный вандр, и слушатели опять грохнули хохотом.

Гельд смеялся вместе со всеми, а Борглинда попятилась. Ее щеки загорелись, веселье разом угасло, точно на огонек плеснули холодной водой.

– Придержи язык, бродяга! – гневно крикнула она. – Ты тут не у себя дома, и тут тебе не гостиный двор! Как проситься в дом на целую зиму, так вы все вежливые! Была бы

моя воля, я бы на порог не пускала таких свиней!

С этими словами она повернулась и почти бегом бросилась назад в гридницу. Все в ней кипело от негодования и горького стыда. Никогда торговец не посмел бы сказать подобное девушке из рода Лейрингов, если бы все было по-прежнему, по-правильному. А сейчас все знают – квитты в грязи, и Лейринги в грязи. С этих, с постояльцев, Гримкель берет деньги вместо того, чтобы принимать бесплатно, как принято у знатных людей. И теперь мы вынуждены все это терпеть! И что она сделает? Они там смеются над ее возмущением: подумаешь, какая богиня из Асгарда*! Но разве у нее есть брат, который мог бы за нее заступиться? Где вы – Аслак, Одд, Ивар, Свейн, Льот, Хринг, Атли? Что она может, если даже ее родич конунг лижет башмаки фьялльскому ярлу, который вдвое моложе его?

Пробегая через гридницу, Борглинда не поднимала лица, чтобы никто не видел слез у нее в глазах. Сама виновата! Нечего было тереться возле всякой сволочи!

В девичьей она села возле обтрепанного куска шкуры, где ползал среди деревянных игрушек ее племянник, Свейн сын Свейна. Увидев Борглинду, он радостно загалкал и полез к ней на руки, безжалостно упираясь в колени крепкими локотками и коленками. Борглинда поморщилась: карабкается, как на дерево. Она подняла тяжелого мальчишку и посадила. Вот он, мужчина из рода Лейрингов. Только за меч он возьмется еще не скоро – ему год и три месяца, он родился

уже после Битвы Конунгов, отнявшей у него отца, родился сиротой. Лучше бы ему совсем не рождаться. И ей тоже. Все вокруг было чужим и черным, и этот край непокрытой скамьи казался единственным оставшимся ей местом на земле.

Наконец несносный пир подошел к концу: у Гримкеля конунга угощение всегда заканчивалось довольно скоро, а что за радость сидеть за пустыми столами? Гости устраивались на ночь, женщины убирались в гриднице и на кухне, мыли посуду, перебирали объедки. Борглинда сидела в пустой девичьей и при тусклом свете жировой площадки покачивала Свейна. В дни пиров он плохо засыпал, потому что сюда долетал шум из гридницы. И Нельда, его нянька, куда-то запропастилась. Наверное, опять заигрывает в кухне с кем-нибудь из дружины. Даже рабыни совсем распустились.

Скрипнула дверь, Борглинда подняла голову и увидела Йорунн. Неужели опять погонит в кухню? «Не пойду! – с угрюмой решимостью подумала Борглинда. – Я ей не служанка!» Что-то не помнится, чтобы ее дочь Далла, бывшая жена бывшего конунга, в девичестве хоть раз прикоснулась к котлу или рыбному ножу. Или Мальфрид, сбежавшая после Битвы Конунгов на восточное побережье, забрав сундуки с приданым, но второпях позабыв про собственную мать. Или Гудрун, тогда же очертя голову выскочившая замуж за какого то мелкого хёльда из внутренних земель и уехавшая в глушь – подальше от фьяллей... А она, Борглинда, зачем

здесь осталась? Она была еще слишком мала и не могла решать за себя, а ее мать так растерялась после гибели мужа... Теперь у них нет другой судьбы.

Следом за старухой в дверной проем просунулась борода Гримкеля. Ему-то что здесь нужно?

– Говори быстрее, пока никого нет! – буркнула Йорунн, проходя в девичью. – Да закрой дверь. Не так! Ее надо приподнять, а потом уж закрыть, так не закроется. Я десять раз говорила Хаги, да разве этот бездельник слушает... Говори быстрее! Сейчас эти неряхи все бросят работу и явятся спать.

– Такой случай упускать нельзя... – начал Гримкель, с трудом закрыв перекошенную дверь и почти на ощупь отыскав скамью.

Вдруг Свейн закричал на руках у Борглинды; Гримкель и Йорунн разом обернулись и увидели в углу темную фигуру.

– Это ты! – Гримкель взгляделся и различил блестящие глаза троюродной сестры. – Иди отсюда! Нам с матерью надо поговорить!

– Сам иди отсюда! – непримиримо отозвалась Борглинда. – Тут не дружинный дом, а девичья, и я имею право сидеть здесь, сколько хочу! Не нравится – сам уходи!

Гримкель открыл рот и опять закрыл. Любой мужчина в роду Лейрингов был с детства приучен повиноваться женщинам, а Гримкель слишком уставал от своей нынешней жизни и не имел сил спорить даже с девчонкой. В ней течет кровь

упрямых и своевольных Лейрингов – не захочет, так ее боевым кораблем не сдвинешь с места.

– Если ты вздумал браниться с девчонкой, то я пойду обратно в кухню! – проскрипела Йорунн. – Хоть поменьше припасов разворуют. Ну, что ты там придумал спяну?

– Фьялли собрались в Медный Лес, – опять заговорил Гримкель, не обращая больше внимания на Борглинду. Он всегда торопился поделиться с матерью любой важной мыслью, чтобы переложить на нее ответственность за все дальнейшее. – Такой случай упускать нельзя. Я подумал: пока Асвальд Сутулый будет там ходить, мы тут соберем кое-каких людишек... Ему и так несладко там придется, с тамошними ведьмами. А когда он пойдет обратно, мы его встретим на Ступенчатом перевале и... э... А когда Торбранд Тролль спросит, куда мы дели его ярла, мы ответим, что он не вернулся из Медного Леса. И поклянемся Волчьим Камнем, потому что это будет чистая правда! Пусть идет искать его кости, если хочет!

– А если он и правда сумеет собрать какую-то дань, то нам она тоже пригодится! – добавила Йорунн. Она слушала молча – значит, была согласна. – Вот только где мы возьмем столько народу! Хотя бы двести человек найти надо.

– Он не приведет назад двести человек!

– Даже если он приведет двадцать, нам понадобится двести! Наши трусливые зайцы боятся фьяллей, как великанов! Всех смелых перебили сам знаешь когда, осталась одна

дрянь! Надо иметь десять на одного, чтобы они посмели хотя бы вякнуть!

– Если бы Гутхорм Длинный успел вернуться!

– Что-то мне не верится, что твой Гутхорм вернется! Да он спит и видит провозгласить себя самого конунгом – хоть в Медном Лесу! Слышал, что болтают про какого-то тамошнего хёвдинга? Не про него ли это?

– Не говори так, мать! Не порочь достойных людей!

– Достойных! – Йорунн даже фыркнула, выражая величайшее презрение. – Достойных!

– Других у нас нет, – мудро заметил Гримкель.

– У нас и этого нет! – сварливо отрезала Йорунн, в пылу перебранки случайно вспомнив, о чем шла речь. – Твой Гутхорм, может, к весне вернется, не раньше. А без него нам не набрать людей!

– Нанять!

– На какие огрызки?

– Я уже подумал! – Гримкель конунг был воодушевлен уже тем, что мать не разругала его замысел целиком и не объявила его тупым тюленем. – Асвальд ярл так озабочен, где будут стоять его корабли... Мы уведем его корабли и продадим! От нас до кваргов – два дня пути, а уж Рамвальд конунг купит! И там же наймем людей! Кварги любят наниматься!

– Тогда о нашем деле будет знать весь Морской Путь!

– А пусть он докажет!

– Но ведь Асвальд оставит часть людей охранять кораб-

ли! – сказала Борглинда, из угла глянув на Гримкеля, и ее глаза блеснули при тусклом свете плоски, как у тролля. Разговор заинтересовал ее больше, чем она ждала. – Он не похож на дурака!

– Вот и хорошо! – обрадовался Гримкель. В воодушевлении он закрывал глаза на трудности предприятия. – Он нам не доверяет, он обязательно оставит людей охранять корабли, человек пятьдесят, не меньше! Уж пятьдесят мы перебьем, да хотя бы во сне! Вот он уже и лишился четверти войска! Ты права, мать, – он приведет обратно из Медного Леса человек двадцать!

Йорунн не ответила, размышляя, и некоторое время в девичьей висела тишина, только Свейн сонно посапывал.

– Не очень-то честным все это выглядит! – сказала Борглинда. – Ты же давал клятвы и его конунгу, и ему... Только сегодня, на пиру.

– Я обещал ему гостеприимство и безопасность под моим кровом! – возразил Гримкель. – А это все будет не под нашим кровом. Безопасности в Медном Лесу я ему не обещал!

– Ты обещал ему дружбу и помощь, а не обман и предательство! – не сдавалась Борглинда. Ее юное сердце не мирилось с подлостью в любом виде и еще не умело жертвовать честью ради пользы дела. – Это бесчестно!

– Честь – удовольствие сильных людей! – наставительно ответил нынешний конунг квиттов. – Со слабого того же не спросишь. Нам сейчас честь не по средствам. Нам нужно де-

лать дело, а не сочинять саги о подвигах!

Борглинда насупилась. Да уж, какие тут подвиги! У нее осталось одно крашеное платье – вот это, зеленое, с коричневой и желтой полосами. В остальных ходят дочери фьяллей – для последней дани пришлось выгребать все из сундуков. У нее почти не осталось украшений – жена того болтливого барландца наверняка втрое богаче нее, дочери Лейрингов. Но честь... С этим сокровищем Борглинда не хотела расставаться. Вон, заезжие торговцы уважают ее не больше, чем какую-нибудь служанку! Борглинда ощутила новый прилив обиды и с ним всплеск какой-то неясной угрюмой решимости. Пусть торговцы болтают что хотят и подавятся своими языками! Но сама она будет себя уважать! Иначе жить вообще не стоит!

– Посмотрим, сколько людей они оставят охранять корабли, – сказала наконец Йорунн. – Можно послать к мужу Гудрун. Он даст человек двадцать, если соберет своих людей и бондов... И поговори с Ингвидом. Если он согласится и приведет свою дружину, то и все здешние станут малость посмелее. Но уж тогда, сын мой, не паться! – Старуха прищурилась и погрозила Гримкелю пальцем. Темная, морщинистая, с блеском глаз под набрякшими веками, в эти мгновения она напоминала Урд, старшую из вещей норн*. – Если дело не слепится, если хоть один из фьяллей уйдет живым и Торбранд Тролль обо всем узнает, он напустит на Квиттинг Хродмара Рябого. А тот только и мечтает сжечь нас, как сжег

Прибрежный Дом Фрейвида... И ты пойдешь к нему под бок на пару с Ингвильдой! – бросила она племяннице, заметив упорный, блестящий взгляд Борглинды.

Девушка отвела глаза. И здесь, с родичами, ее возмущение весит не больше, чем на кухне, с торговцами. Все мерзко, гадко, подло, и сделать ничего нельзя. Вся жизнь такая, как эта девичья – темная и душная, с темными тенями от дрянной плошки с тресковым жиром. Жить не хотелось совсем. Вот только где тот Сигурд, на погребальный костер которого стоило бы взойти?⁹

Перед сном, когда вся посуда была вымыта, Борглинде досталось еще одно дело – пересчитать ковшики и кубки. Самый большой и дорогой кубок, тот самый, из которого пил Асвальд ярл, полагалось запирать в сундук самой Йорунн. Еще бы – ведь это последнее сокровище Лейрингов. Сидя на краю спального помоста перед сундуком, Борглинда рассматривала кубок и тихонько поглаживала кончиками пальцев его бока, покрытые бледной, стершейся позолотой. Он был как сам Квиттинг – старый и выдавший лучшие времена. Чашу неведомые мастера отлили в виде широко распахнутой драконьей пасти, ножку образовывало свернутое в несколько колец чешуйчатое тело, а подставкой служил хвост и задние когтистые лапы. В глазах серебряного дракона поблескивали

⁹ Когда древний герой Сигурд был убит, любившая его Брюнхильд взойшла на его погребальный костер и покончила с собой.

два маленьких, как зернышки, прозрачных белых камешка, при свете огня игравшие всеми цветами радуги. Подобных камней Борглинда не видела никогда и ни у кого больше; говорили, что они единственные на свете. Это очень старый кубок, его раздобыл где-то еще Бергвид Нос, прадед Халькеля Бычьего Глаза...

Этот кубок называли почему-то Драконом Памяти, хотя Халькель и любил повторять, что он чаще отшибает память, чем прибавляет. Рассказывали, что кубок происходит из наследства дракона Фафнира. Умом Борглинда понимала, что едва ли это правда, но душой верила, как в детстве, потому что верить в это было очень приятно. Из Дракона Памяти всегда пил глава рода. А отец Халькеля, Арнвальд Щит, незадолго до смерти заказал к этому кубку двенадцать маленьких – точно таких же, но вдвое меньше и с золотыми лапками. На пирах их подавали мужчинам Лейрингов. Всегда находилось больше двенадцати, и право пить из них следовало заслужить. Их звали малыми дракончиками. Маленьких дракончиков забрали фьялли прямо на том пиру, который был после заключения мира. А Дракона Памяти Торбранд конунг оставил – тот выглядел старым и тусклым, позолоты почти не видно. И руна «науд» на дне, хранящая от яда, почти сгладилась, ее едва разглядишь.

Видели бы они, Бергвид Нос и Арнвальд Щит, что здесь происходит! Да они в Валхалле под столы лезут от стыда за своих потомков, глядя, как квитты сжимают кулаки под

плащами, не смея возмутиться вслух... Что они проиграли свою свободу, что они должны терпеть унижения, бедность... Борглинда жмурилась от стыда, точно предки заглядывали ей в глаза и гневно хмурились: как смели вы растерять все созданное нашим трудом, завоеванное нашей кровью, нашей жизнью! Чем мы хуже других, хуже тех же фьяллей? Ведь они всегда были беднее нас! Их меньше, так почему же дань платим мы, а не они? У какого еще племени столько железа, столько рыбы, столько ячменя и ржи, столько золота в горах! Мы только добываем его кое-как и не можем справиться сами с собой!

Борглинда осторожно опустила кубок в сундук. Пусть хотя бы он не видит нынешних «подвигов». Куда бы спрятаться от стыда ей самой! Сегодня она сама поднесла Дракона Памяти Асвальду ярлу и пожелала ему мира и благополучия. Она сама пообещала ему дружбу их рода. И если род нарушит обещание, то она будет виновата больше всех.

Опустив крышку сундука, Борглинда стала прилаживать висячий замок к петлям. Еще одна такая дань – и он уже не понадобится. Можно будет подарить его фьяллям – у них-то теперь есть что хранить под замками!

Но все же это гнусно! Борглинда с силой защелкнула дужку замка и сама вздрогнула от резкого железного звука – будто дикий зверь лязгнул зубами прямо над ухом. Он где-то здесь, этот подлый зверь, волк лжи и предательства. Подлость – оружие слабых. Так, Гримкель конунг? Один фьяल्ली-

ский ярл пропадет в горах, потом второй, который пойдет его искать... Потом сам Торбранд конунг. И квитты опять никому не платят дань! Как все хорошо!

Как бы не так! Борглинда стиснула кулаки на коленях. Она была достаточно умна, а опыт собственной недолгой жизни научил ее не доверять сладким надеждам. Гримкель конунг – несчастливый человек. Даже подлости ему не удаются. Все кончится тем, что двадцать фьяллей разобьют двести квиттов и увезут вместе с железом головы вождей. И разорят в отместку Острый мыс, чтобы тут осталось пустое место. И трава вырастет на месте домов, кусты прорастут между обугленными бревнами...

Борглинда зажмурилась. Она так ясно представила себе это, даже не картину разрушения, а ощущение пустоты, смерти там, где недавно царила жизнь. Синяя зимняя ночь, гладкие груды нетронутого снега, закрывшего развалины домов... Будущее казалось безнадежным.

Не в силах больше сидеть под грузом этой тоски, Борглинда встала и пошла из девичьей, бессмысленно вертя в руках ключ от сундука. Ей хотелось хоть немного простора, движения и воздуха, хоть один глоток!

На дворе был поздний осенний вечер. Все небо затянули темно-серые, с синеватым отливом тучи, только на западе висела неширокая багряно-розовая полоска, маленькая, робкая. Она точно сама удивлялась, как ее занесло в это железное царство и почему тупые и тяжелые облака до сих пор

не задавили ее. Если полоска не врет, завтра будет ясный день...

Ветер нес запах гнивающей листвы и морской воды. Было слышно, как по каменным плитам, выступающим из земли, с шорохом катятся сухие листья. Борглинда вертела в руках ключ, и ей нестерпимо хотелось домой. Так легко было представить, что за спиной у нее не это сборище всякой швали, а прежний дом Лейрингов. Тот дом, в каком она жила маленькой – с отцом, с дядьками, братьями, с кучей всякой родни и гостей. Конечно, Йорунн и тогда ворчала по всякому поводу и без повода, Далла и Мальфрид вечно бранились, Гудрун ссорила братьев и поклонников, а отец, Халькель, на пирах напивался и так безбожно хвастал, что мать краснела и даже Борглинде делалось стыдно. Но все же это был их дом, усадьба Лейрингов. Его прозвали Вороньим Гнездом, но с ним считался даже конунг. А теперь даже тот фьялль, Асвальд ярл, больше хозяин здесь, чем они...

Кто-то тронул ее за плечо. Борглинда вздрогнула и отшатнулась.

– Да не бойся, это я! – сказал смутно знакомый голос. Фигура показалась чужой, но по белеющей в темноте светловолосой голове она узнала того парня-барландца, что рассказывал «сам ты не покойник». Грам... Гельд.

Борглинда перевела дух и нервно засмеялась, подавляя стыд и досаду. Подумать только! Девушка из рода Лейрингов на пороге своего собственного родного дома боится любого

шороха, точно в темном лесу!

– Это ты! – небрежно сказала она. Сердце билось, и ей было неловко, точно чужак мог как-то увидеть ее безрадостные и унижительные мысли. – Что ты тут бродишь? Отхожее место вон там, за углом справа.

– Не беспокойся, прекрасная дева, это строение я умею находить в любой усадьбе, – ответил барланец, и было слышно, что он улыбается. – А ты не туда ли собралась? Давай я тебя провожу. Мало ли что...

– Ну, да! Придумал укромное темное место! – Борглинда вспомнила слова обиженного вандра. – Нет уж, Фрейр* лживых саг! У себя дома я сама найду дорогу куда мне надо!

– Ты обиделась? – уже без смеха, встревоженно спросил Гельд. – Я не хотел. Ты помнишь, что про укромное место вообще сказал не я? Не считай меня неучтивым дураком, я знаю, что можно говорить служанкам, а что родственницам конунга. Мне не пришло бы в голову...

– Ах, иные служанки сейчас счастливее, чем родственницы конунга! – перебила его Борглинда. – Я бы лучше была служанкой где-нибудь подальше, чтобы не видеть ни конунгов, ни фьяллей!

– Зря ты так. – Гельд прислонился плечом к стене, как будто устраивался для долгой беседы.

Он держался так просто, без надменности и без заискивания, будто говорил с собственной сестрой. Сам голос его вызывал доверие, и Борглинда слушала, чувствуя невольную

благодарность хоть к одному живому человеку, который расположен с ней поговорить.

— У всех свои несчастья, — говорил он, держа в руке деревянный стаканчик с игральными костями и слегка им потряхивая. — У нас прошлой зимой был мор, из каждых пяти человек двое умерло. А у грюннингов два сына старого конунга делят власть: обходят страну каждый со своим войском, требуют от тингов* признания и убивают тех, кто успел признать другого. А у вандров вообще нет конунгов — у них пятнадцать или двадцать штук херсиров*, и каждый вроде конунга в своей округе. Они только и делают, что ходят войной на соседей. Так что тихое место... Разве что Эльденланд. И то там, говорят, из земли брызжет огонь. Не знаю, может, врут. Я, кстати, туда собираюсь. Не хочешь со мной?

Борглинда криво улыбнулась, стараясь сдержать слезы. Рассказ о несчастьях чужих племен ничуть ее не утешил, наоборот. Эта тьма заливает весь мир! На всей земле нет спокойного места. Поедем со мной! Смеется, что ли? Куда она может отсюда уехать?

— Тебе хорошо, — ответила она наконец, слыша, что от сдержанных слез голос стал густым и неровным. Проклятый! — Ты куда хочешь, туда и едешь. А я тут... как коза на веревке. И все жду, что со мной будет. Йорунн все грозит-ся... У меня было три сестры! Где они все?

— Ну, ладно! — Гельд тоже услышал, что она едва не плачет. Неожиданно он подвинулся к ней, обнял за плечи и хотел

прижать к груди, как обиженного ребенка, но Борглинда вырвалась и отстранилась. Вот еще!

– Все в конце концов может выйти не так плохо! – продолжал Гельд. – Когда-нибудь все устроивается. Жизнь, понимаешь ли, как река: даже если ее завалит камнями, она все равно пробьет себе дорогу. По капельке, по ручейку... Каждый человек хочет жить, и каждый в отдельности делает все, чтобы выжить. И в итоге общими усилиями жизнь налаживается. Видела когда-нибудь муравейник?

– Тебе хорошо говорить! – повторила Борглинда. Слезы наконец отступили, голос стал обычным, и она горячо продолжала: – Жизнь налаживается, если ее налаживать. А если каждый рушит собственный муравейник, тащит на себя все иголки... И лучшее, что может сделать, – забиться в щель и ждать! И повторять, что честь – богатство сильных! А слабым, дескать, все прощается! Прощается даже перебить во сне людей, которым клялся в дружбе, и... Копать могилу самому себе! Только так все и выходит! Все хуже и хуже!

– Вот оно что! – тихо и значительно протянул Гельд. – Копать могилу... Ты хочешь сказать, что твой родич конунг... Он прямо сегодня собирается их перебить?

Борглинда молчала, не зная, проговорила ли и чем это грозит.

– Понимаешь ли, у меня тут два сундука с цветным сукном, там даже шелк есть, и все это очень дорого нам обошлось, почти всю прошлогоднюю выручку вложи-

ли, – словно стараясь оправдать свой вопрос, опять заговорил Гельд. – И если ночью будет пожар... Я уже насчет крашеного льна сторговался – мне тут один вандр дает золотое обручье за тысячу локтей, а это, знаешь ли, хорошая цена... Мне будет жалко, если мои сундуки сгорят. А эти фьялли такие упрямые парни – ни за что не дадут себя убить просто так.

– Не беспокойся, – снисходительно ответила Борглинда. Пусть хоть весь свет знает! Ей все равно! – Их будут убивать не тут, а в Медном Лесу на обратном пути. Так что когда Торбранд Тролль приплывет сюда мстить за своих людей, ты и твоё сукно, то есть ты и твоё обручье, уже будете в Эльденланде. Попутного тебе ветра! Смотри не обожгись, когда из земли плюнет огнем.

– Спасибо! – учтиво поблагодарил Гельд. – Я привезу тебе оттуда маленького тролля с длинными ушами, в корзинке.

– Буду ждать и смотреть в море! – пообещала Борглинда и ушла в дом.

Ей вдруг стало очень холодно. Руки совсем застыли, пока она там стояла возле порога. Кто-нибудь увидит, как она с ним болтает – и завтра вся усадьба заговорит про «укромное темное место». Ну и пусть говорят! Чтоб им всем провалиться!

Гельд вернулся в спальный покой, задумчиво покачивая в руке деревянный стаканчик с игральными костями. То, что

он узнал во время случайной беседы с девушкой, заслуживало того, чтобы подумать как следует. Разнородные постельцы усадьбы уже спали, и он ступал осторожно, стараясь не задеть широкие спальные помосты вдоль стен. Сыроватые поленья в очаге дымили, после свежего воздуха двора тут казалось нестерпимо душно.

— Явился наконец! — Бьёрн Точило, товарищ Гельда по торговой поездке, приподнял голову. — А я уж думал, ты хочешь выиграть у того толстяка весь корабль, а у нас гребцов не хватит... Ты чего такой мрачный? Проигрался?

Гельд молча покачал головой и тоже присел. Бьёрна Точило он помнил столько же, сколько себя, поскольку еще воспитатель Гельда, Альв Попрыгун, владел с ним на полонинных началах еще предыдущим «Кабаном». Бьёрну было не то пятьдесят, не то шестьдесят лет (он сам не знал толком), но на покой еще не собирался, на здоровье не жаловался и даже не научился пока предсказывать погоду по нытью костей. На его макушке светилась лысина, но окружал ее довольно густой лес пегих волос, полутемных-полуседых. Черты лица у него были крупными, кожа загорелой и темной, зубов не хватало, а небольшие глаза быстро уставали и щурились. Гельд отлично ладил со своим беспокойным, но сговорчивым спутником. Бьёрн относился к нему почти как к сыну, и Гельд не возражал, поскольку отца у него не имелось вообще.

– Знаешь, Точильный Медведь¹⁰, похоже, тут замышляет-ся подлое дело, – сказал он наконец.

– Против нас? – Бьёрн насторожился и сел на лежанке.

Гельд опять покачал головой:

– Нет. И когда все это случится, нас тут не будет.

– А! – удовлетворенно ответил Бьёрн и снова улегся. – Тогда пусть.

– Да, но... – нерешительно продолжил Гельд, покачивая на ладони стаканчик днищем вверх и потряхивая кости, будто собирался бросить. – Я тут подумал: если здешние хозяева опять подерутся с гостями, то ведь вся эта кутерьма начнется опять... Помнишь, когда не советовали плавать вблизи Квиттинга...

– Да ну! – Бьёрн опять сел. – Слушай, перестань выражаться как вёльва сквозь сон – я не Один и не умею разгадывать загадки. Говори толком. Что ты там услышал? Надо собираться прямо сейчас или можно до утра подождать?

– Я думаю, что суетиться ночью не стоит – недолго и споткнуться, – сказал Гельд. – Но если здесь сгорят все дома, где мы устроимся со своими товарами летом? А? Я правильно рассуждаю?

На самом деле он рассуждал про себя, мысленно.

– Делай что хочешь! – Бьёрн махнул рукой, опять улегся и отвернулся к стене. Он отлично знал привычку товарища говорить вслух много ерунды, а главное держать про себя,

¹⁰ Игра слов: имя Бьёрн означает «медведь».

пока не придет время. — Я спать буду. Разбуди меня, когда крыша загорится.

— Обязательно! — твердо пообещал Гельд и стал неспешно раздеваться.

Нет, суетиться ночью не стоит, но если есть способ помешать Гримкелю конунгу опять поссориться с фьяллями, это нужно сделать непременно. От этой их войны одни убытки. Опасность для кораблей, недостаток продажного железа, недостаток места для пристанища... Три года назад нашлось бы десять покупателей на тысячу локтей крашеного полотна, а тут два дня искал, пока напал на того вандра... Знатные квиттинские хёлды перебиты, а у оставшихся нет ни пеннинга лишнего. Им теперь не до торговли...

Гельд мимоходом вспомнил девочку, с которой только что разговаривал. Платье третий день одно и то же, а между бронзовыми застёжками — ни единой цепочки, ни единого колечка на пальцах... А у фьяллей... В памяти встало надменное молодое лицо с острым подбородком и огромными глазами, зелеными, как у кошки. Острый нос с горбинкой больше пристал бы троллю... Вроде их конунга Торбранда, тот тоже такой длинноносый. Может, порода такая?

Асвальд ярл выглядит человеком надменным, но не глупым. Что он сделает, если узнает?

Гельд улегся рядом с Бьёрном и завернулся в плащ. Завтра будет видно.

Наутро, счастливо избавившись от полотна, Гельд отпра-

вился прогуляться по Острому мысу. На руке его блестело новое золотое обручье в полторы марки* весом, день выдался ясным, и торговцу было весело. Посвистывая, он обходил дворы, разглядывал корабли, зашел кое-куда присмотреться к товару. Однако бедновато. Совсем не то, что раньше. Железо по цене приближается к серебру. А, вон он!

Гордый Асвальд ярл с десятком людей величаво вышагивал по берегу. За его плечами вился по ветру красный плащ, широкая серебряная гривна с крупным молотом Тора сверкала на груди. Сразу видно – посланец могущественного конунга! Красавец! В любимой Гельдом «Песни о Риге»*, которую он помнил от первого до последнего слова, про ярла сказано как нарочно про Асвальда:

Румяный лицом,
а волосы светлые,
взор его был,
как змеиный, страшен¹¹.

– Приветствую тебя, Асвальд ярл! – Гельд остановился, загораживая фьяллю дорогу.

– Что-то я тебя не припомню, – надменно отозвался Асвальд, но все же остановился и смерил Гельда оценивающим взглядом. Парень с выговором барландца был одет хорошо, вид имел уверенный, но на знатного человека все же

¹¹ «Старшая Эдда». Пер. А. Корсуна.

не походил.

– А ты меня не знаешь. Я – Гельд, меня зовут воспитанником Альва Попрыгуна. Мы ведем торговлю. Я хочу узнать, не нужно ли тебе чего-нибудь.

– Пока нет, – сразу ответил Асвальд, слышавший этот вопрос уже много раз. – Вот когда вернемся...

– Тебе, как видно, требуется железо?

– Верно. Но не по тем ценам, что приближаются к ценам серебра.

Гельд с трудом удержал усмешку: они со знатным ярлом провели одинаковые изыскания и пришли к одинаковым выводам.

– А хлеба тебе не нужно? Говорлинская пшеница, крупная, как брусника осенью на кусте первого года.

Асвальд усмехнулся. Барландец держался так свободно, говорил так легко и дружелюбно, что при взгляде на его лицо делалось весело и хотелось ему верить. И даже что-нибудь у него купить. Умеют же некоторые делать свои дела!

– Но ты не думаешь, что мои семь кораблей нагружены золотом? – уточнил Асвальд, намекая, что умеет считать деньги, даже если ему улыбаются. – Скажу честно, это не я ограбил Фафнира.

– За вес вот этого молотка я тебе насыплю полкорабля пшеницы. – Гельд глазами показал на гривну Асвальда. – Пойдем-ка потолкуем. И скажи своим людям, чтобы не наступали мне на пятки. Я не собираюсь втыкать тебе нож в

бок. Мне это совершенно ни к чему.

Асвальд внимательно посмотрел в глаза собеседника. Гельд отметил, что не ошибся: фьялль – человек умный. Понял, что ему хотят сказать что-то занятное не только о пше-нице.

– Пойдем, – сквозь зубы бросил Асвальд и шагнул к морю, где толкалось поменьше народу.

– Слушай, – заговорил Гельд, неспешно шагая вдоль полосы прибоя, жестко шуршащей ледяной крошкой. – Я вижу, ты достойный человек. Мне хотелось бы вести с тобой дела и будет обидно, если ты не вернешься из Медного Леса.

– Подумать только, как трогательно обо мне заботятся незнакомые люди! – хмыкнул Асвальд. – Я был в Битве Конунгов и своими глазами видел того великана. Так что я знаю, что меня ждет.

– Всё знают только Один и Фригг*, не считая спящей вёльвы. Знаешь, как говорят: и маленькая кочка может опрокинуть большой воз. Даже если ты одолеешь великана... Короче, если бы я был конунгом квиттов, я бы не очень хотел, чтобы ты вернулся...

Асвальд опять хмыкнул:

– Я думаю, он хочет, чтобы я вообще не родился на свет. И все фьялли тоже.

– Приятно говорить с умным человеком! – искренне восхитился Гельд. – Некоторые, знаешь ли, думают, что весь свет плачет от счастья, когда их видит.

– Я так не думаю! – уверил его Асвальд. От света от ждал примерно той же любви, что питал к нему сам, то есть весьма умеренной.

– Так вот, если бы я не хотел, чтобы ты вернулся, я запросто мог бы подстеречь тебя на обратном пути из Медного Леса. А потом сказать твоему конунгу, что тебя и твоих людей погубили квиттинские ведьмы. Ведь твой конунг поверит?

– Откуда ты знаешь? – Асвальд резко повернулся и впился взглядом в лицо Гельду.

Его зеленые кошачьи глаза вспыхнули яростью, и Гельду захотелось похлопать его по плечу, чтобы успокоить.

– Вот об этом ты меня не спрашивал! – Гельд предостерегающе поднял руку. – Этот вопрос стоит слишком дорого. Да тебе это и не нужно. Просто я бы тебе посоветовал задуматься о такой возможности.

Асвальд отвернулся от него и сделал несколько шагов вперед, крепко уперев руки в бока и глубоко дыша. Гельд видел, что фьялль изо всех сил старается взять себя в руки, и еще раз удовлетворенно отметил: с этим зеленоглазым дело иметь можно.

– Ты, конечно, можешь мне не верить, но у меня нет причин понапрасну ссорить тебя с квиттами, – продолжал Гельд, тронувшись вслед за Асвальдом и отставая на шаг: ярости требуется простор. – Мне как раз нужны мир и покой. Но если с твоими кораблями что-нибудь случится, а твой конунг придет жечь Острый мыс...

– Может быть, ты мне посоветуешь что-нибудь еще? – со сдержанной яростью спросил Асвальд ярл, ненавидяще глядя куда-то в море.

– Можно что-нибудь сообразить, – ненавязчиво намекнул Гельд, который и правда много чего придумал за ночь. Он любил поразмыслить о том, как сам поступил бы в том или ином положении. – Я на твоём месте повел бы себя так, чтобы не нарываться на драку, если её не предложат другие, но быть к ней готовым, если предложат. Здешний конунг не слишком умен... Как и не слишком отважен. Если, скажем, ты объявишь, что на время твоего похода в Медный Лес посылаешь корабли в Ветробор покупать говорлинскую пшеницу... Сошлись на меня, мол, это я тебе посоветовал и цены тамошние назвал, кстати, совершенно правдиво. А на самом деле эти корабли могут ждать тебя у другого выхода из Медного Леса, совсем не на ближайшем перевале отсюда...

Асвальд повернулся и посмотрел ему в глаза. Он мучительно колебался: верить или не верить незнакомцу?

– А если не веришь, так я сам пойду с тобой, – неожиданно для себя самого предложил Гельд. И прибавил, оправдывая эту беспричинную отвагу: – Обидно, понимаешь ли, когда подлостью губят достойных людей. Хотя, конечно, это совсем не мое дело. Но если пустить подлость расти и процветать, то скоро от нее некуда будет деваться.

Асвальд задумчиво покусал нижнюю губу. Строго говоря, ничего неожиданного в этих новостях не было. От Гримке-

ля вполне можно ждать чего-то в таком роде. Но отказаться от похода – невозможно! Надо идти во что бы то ни стало. Хоть погибнуть! Но лучше, конечно, вернуться. И навсегда отучить Гримкеля подличать.

– Знаешь, как у нас говорят? – Барландец ободряюще улыбнулся, будто читал его мысли. – Ложь сама дает лжецу по шее! Давай проверим, много ли правды в поговорке.

– Если все это так – ты участвуешь в добыче наравне с моими людьми, – сказал Асвальд. Он решил.

– Кто бы стал отказываться! – Гельд опять улыбнулся и поднял руку. – Только уговор: если здесь загорятся крыши, я выберу в усадьбе Лейрингов одного человека, какого захочу.

Асвальд кивнул. За такую услугу можно подарить и десятых пленников.

Глава 3

Узнав, что Гельд собрался в Медный Лес вместе с фьяльями, Бьёрн Точило схватился за голову. Гримкель конунг тоже не слишком обрадовался, когда услышал, что фьялли отсылают свои корабли к говорлинам.

– Кто же знал, что у них с собой столько серебра? – прошипела раздосадованная Йорунн хозяйка, пока Гримкель старался справиться со своим лицом и улыбнуться Асвальду ярлу. – Между прочим, это все наше серебро!

– Ничего, он ведь пошлет с кораблями своих людей, – отозвался Гримкель шепотом. – Не меньше половины. Все выйдет еще лучше. Хотя, конечно, корабли... Конечно, корабли тебе не нужны, раз ты пойдешь по суше! – повысив голос, повторил он самому Асвальду и наконец оживился. – Да... Конечно, зачем им стоять? А у говорлинов, все говорят, пшеница дешева, куда дешевле, чем у нас тут... Но ведь для охраны такого богатства надо посылать много людей!

– Да, разумеется, – с небрежностью уверенного в себе человека бросил Асвальд. – Я пошлю не меньше половины, и поведет их Хьёрлейв Изморозь.

Наблюдая за лицом Гримкеля, он поздравил себя с тем, что поверил барландцу, – у конунга квиттов совесть была нечиста... То есть совести у него не имелось вовсе, такой роскоши он не мог себе позволить, но у него наличествовал

тайный замысел, за исполнение которого хозяин сейчас тревожился.

Лошади и припасы, выделенные из Гримкелевой части годовой дани, уже были готовы, и фьялли тронулись в путь на четвертый день после прибытия на Острый мыс. Вечером перед этим Гельд Подкидыш без видимой цели слонялся по усадьбе Лейрингов, вскидывал глаза навстречу всякой женской фигуре, оборачивался на каждый скрип двери.

– Если тебе не повезет, не говори потом, что я смошенничал, пока ты отворачивался! – посмеиваясь, предостерег его бородатый вандр, потряхивая стаканчик с костями. – Ты что, влюбился в кого-то?

– А хотя бы, – мимоходом бросил Гельд. – А мошенничать не пытайся: у меня третий глаз на затылке.

– Ну, ты скажешь!

Когда Борглинда дочь Халькеля прошла через кухню к селям, Гельд даже не обернулся. В это время он рассказывал очередную лживую сагу, но Борглинда теперь была умнее и даже не глянула в ту сторону, хотя звучало что-то весьма занимательное:

– ...И сколько хозяина ни искали по всей округе, найти его не могли. Поговаривали, что Аса затащила его к себе в могилу, но проверять никто не смел. И вот однажды Хрольв на ночь положил себе под изголовье рубаху хозяина, чтобы ему приснился вещий сон. Колдунья его предупредила, чтобы он до полуночи не засыпал, и он попросил мальчика, ко-

торый спал в том же покое, разбудить его, если все же заснет. И вот мальчик сидит и поддерживает огонь в очаге, а Хрольва сморил сон. А в полночь вдруг открывается дверь и входит Аса. На шее у нее была видна большая рана, а в руке что-то блестело...

Зато когда Борглинда шла обратно, Гельд совершенно случайно оказался снаружи возле дверей. Она шла мимо, будто не видя, но он слегка тронул ее за локоть:

– Постой-ка, высокородная дева! Поговори со мной немножко.

Борглинда остановилась и изобразила на лице удивление, как будто давно забыла, кто это такой. На самом деле вот уже два дня вечерняя беседа с Гельдом и сам Гельд не шли у нее из ума. Вспоминать его было приятно: хоть один живой человек среди тех троллей, что заполнили усадьбу. Но его присутствие беспокоило и томило ее, как будто перед ней мелькнула возможность изменить свою жизнь, а Борглинда не могла ею воспользоваться. Да и про «укромное темное место» следовало помнить, так что она никогда не позволила бы себе искать новых встреч с ним.

– Разве у тебя недостает покупателей на лживые саги? – надменно осведомилась Борглинда.

– Этого добра всегда хватает! Просто я, видишь ли, собираюсь в Медный Лес, и только норны знают, вернусь ли я оттуда...

– А что ты там забыл? – от изумления Борглинда сбро-

сила вид натянутого высокомерия и шагнула к нему ближе. Девушка знала о переменах в замыслах фьяллей и догадывалась, что тут не обошлось без Гельда, которому она проболталась о намерениях Гримкеля. Но ей не приходило в голову, что он может пойти с ними сам. – Ты что, думаешь заговорить самого Свальнира?

– Нет, заклинать великанов я не умею... пока не попробовал, – честно сознался Гельд. – Просто, понимаешь ли, на свете есть несколько сумасшедших, которым до всего есть дело, даже до того, до чего им дела нет. Я, должно быть, как раз из них.

– Это и видно.

– Я просто подумал... Посмотри! – Гельд вынул из-за пазухи небольшое ожерелье из узорных серебряных бусинок. К ожерелью был подвешен серебряный бубенчик с тем же узором, а от него на цепочках спускались три таких же, только маленьких. – Я бы хотел подарить это тебе... Если ты сочтешь этот дар достойным тебя! – высокопарно закончил Гельд, поскольку обычных слов почему-то подобрать не мог.

Это сама Борглинда виновата. Она еще не выросла толком, она нечто среднее между ребенком и женщиной. Не придумает, как с ней надо разговаривать, чтобы не причинить обиды ни ее чистому сердцу, ни натянутому, как тетива, самолюбию. Родичи не слишком-то хорошо с ней обошлись. Сначала они воспитали в ней гордость от того, что она – из рода Лейрингов, а потом сбежали в Валхаллу, не оставив ни-

каких возможностей поддерживать эту гордость.

Борглинда метнула подозрительный взгляд, но все же взяла ожерелье в руку, поднесла к глазам, пытаясь получше рассмотреть в полутьме осенних сумерек, погладила кончиками пальцев узорные бусинки, потом потрясла бубенчик и послушала, как внутри него звенит маленький железный шарик.

– Похоже на козий колокольчик! – Она фыркнула. – Это зачем?

– Зачем? – Гельд пожал плечами. – Первый раз встречаю девушку, которая спрашивает, зачем ей украшения. Да затем, что твой родич конунг не скоро тебе подарит что-нибудь такое, а если подарит, то потом отберет для следующей дани.

– Так уж и отобрал! – Борглинда с каким-то мстительным удовольствием сжала подарок в ладони. – Разевай рот пошире! Пусть хоть с себя последние штаны снимает, а моего я больше ничего не дам!

– Это правильно! – Гельд негромко рассмеялся. Ему нравилось видеть в ней такую решимость постоять за себя, потому что никто другой, как видно, за нее постоять не мог. – Значит, возьмешь? А я боялся, что недостойн делать тебе подарки!

– Возьму! – с вызовом ответила Борглинда и оглянулась на хозяйский дом, возле угла которого они стояли. – Ты бы видел, какие сундуки увезла отсюда Мальфрид! А я ничем не хуже нее, только мое приданое все ушло к фьяллям!

– Ничего! Тебе ведь еще не скоро замуж?

– Нет! Знатный жених меня теперь не возьмет, а за незнатного я не пойду!

Гельд улыбнулся: его забавляла эта странная смесь детского чистосердечия и взрослой надменности. Но при этом он понимал, что смешного на самом деле мало: ей живется тяжело.

Борглинда надела ожерелье и потрясла бубенчик: он мягко звякнул.

– Как у коровы в лесу! – определила она. – Зато не потеряюсь!

– Пусть этот бубенчик сделает так, чтобы ты всегда находила дорогу домой! – пожелал Гельд.

Борглинда вздохнула и промолчала, зажав бубенчик в кулаке. Он угадал ее желание – вернуться домой, в тот дом, который был у нее три года назад! Но как найти туда дорогу через время? Про такое ни одна сага не говорит.

– Все время что-то меняется, – сказал Гельд. Он чувствовал, что ее тоска устремлена к чему-то недостижимому, к утраченному, потому что ничего другого она не успела повидать. – Но некоторым людям везет: при них все меняется не слишком резко. Тебе не так повезло, но, ты знаешь, я бы на твоём месте гордился, что именно мне выпала судьба держать на себе честь всего рода. Когда-нибудь все выправится. И ты будешь счастлива, что удержала свой род от бесчестья тогда, когда тебе совсем никто не помогал.

Борглинда по-прежнему молчала. Это очень красиво, то,

что он говорит. Но от этих слов она ощутила свое одиночество с такой остротой и болью, что опять захотелось плакать. А Гримкель говорит, что сейчас не время складывать саги! У Гримкеля и Гельда как бы разные миры, и жить ей приходится в мире Гримкеля! Она прикована к этой подлой, унижительной жизни. Но плакать нельзя! Раз кроме нее некому постоять за честь рода, она больше не имеет права оставаться ребенком!

– Подлость, говоришь, оружие слабых? – добавил Гельд. – Это верно. Только, я смотрю, иные люди нипочем не хотят признавать себя слабыми. Хоть умрут, а не признают. Чудаки!

Девушка все молчала. Гельд больше ничего не мог ей сказать, но ему было жаль уйти и оставить ее наедине с детской восприимчивостью и грузом взрослого долга. Он все-таки обнял ее за плечи и поцеловал в лоб, хотя она и пыталась увернуться. Больше он ничем не мог ее утешить. Борглинда недовольно буркнула что-то и торопливо ушла в дом, больше ни разу не посмотрев на него. Гельд остался стоять возле угла, глядя на двери. Среди этих высокородных потомков Рига попадаются неплохие ребята, только уж очень они все обидчивые.

На рассвете корабли под предводительством Хьёрлейва Изморози отплыли на юг, и почти одновременно Асвальд ярл с половиной своих людей пешком направился к темнеющим

на севере горам Медного Леса. Два десятка лошадей было нагружено съестными припасами и всем прочим, необходимым в дороге. Потом на них можно будет посадить раненых. Асвальд надеялся, что обойдется без этого, но исключать такой возможности не следовало.

Довольно часто на их пути попадались усадьбы и дворы, однако некоторые выглядели запущенными, а несколько мелких дворов оказалось и вовсе брошено. Обитатели уцелевших жилищ при виде большого вооруженного отряда начинали суетиться, и фьялли успевали заметить, как в близкий лес поспешно гонят трех-четыре коров, десятков овец, волокут узлы и корзины. Асвальд приказал обыскать на пробу одну усадьбу, выглядевшую побогаче прочих, но оказалось, что тут Гримкель Черная Борода не обманул. В усадьбе нашлось ровно столько припасов и скота, чтобы ее обитатели пережили зиму.

– У меня погибли сын, два зятя и одиннадцать бондов, – спокойно пояснил хозяин, пожилой лысый бородач с прикрытым правым глазом. – Некому работать. А железо у меня искал еще Гримкель конунг, а после него Гутхорм ярл. Если хочешь, я покажу тебе мою луговину, где руда. Пламенные печи и угольные ямы там же. Вот только рабочих рук у меня нет. Если хочешь, копай руду сам, доблестный ярл.

– Значит, у тебя есть место для ночлега, – так же спокойно ответил Асвальд.

На другой день они еще засветло приблизились к горам. Солнце уже клонилось к закату, но Асвальду так хотелось взглянуть наконец на Медный Лес, что он решил пройти перевал и устраиваться на ночь в следующей долине.

– Не слишком умно соваться в Медный Лес на ночь глядя, – сказал более осторожный Исбьёрн из Трирека. – Переночевать лучше здесь.

– Если там есть опасность, лучше узнать об этом сейчас, пока выход близко, – возразил ему Гейрбранд Галка. – А то мы так заберемся вглубь, что потом не выйдем назад.

Асвальд промолчал: идти назад он не собирался ни в коем случае. Ничего зловещего или загадочного в облике «южных ворот» Медного Леса не было. Склон горы довольно полого поднимался к перевалу; за тысячелетия вода и ветер выгрызли в теле горы уступы, вроде плоских плит, положенных одна на другую. Получились своеобразные ступени, которыми с благодарностью пользовались слабые человеческие ноги, поэтому перевал называли Ступенчатым. На сером камне заметно выделялись то зеленые пятна елей, то желтые и красноватые остатки осенней листвы. Это зрелище радовало глаз пестротой красок, но Асвальд смотрел на перевал с подозрением. Для начала Медный Лес выглядел уж слишком гостеприимным, но только глупец обрадовался бы этому.

Сыновья Стуре-Одда первыми стали подниматься по серым ступеням: благодаря дружбе кузнеца с троллем из Дымной горы близнецов считали чем-то вроде живых амулетов

войска. Гельд очень быстро научился различать братьев; по правде сказать, их никто никогда не путал. В совершенно одинаковых чертах было совсем разное выражение: спокойное, серьезное у Сёльви и сияюще-задорное у Слагви. Сёльви казался чуть старше, хотя родился чуть позже. Гельду близнецы нравились, они весело болтали втроем всю дорогу, потешая всех вокруг, и сейчас Гельд только из вежливости приотстал от приятелей, чтобы пропустить перед собой Асвальда ярла. Вождь все-таки, еще обидится.

Здесь уже было безлюдно, и человеческая фигура, вдруг возникшая впереди на середине подъема, сразу бросилась в глаза.

– А вот и первая ведьма! – радостно воскликнул Сёльви. – Я же тебе говорил: стоит нам показаться, как они стаями сбегутся нам навстречу!

– Должно быть, хочет спросить о здоровье Хродмара! – ответил Слагви. – Они так его любят! Наверное, соскучились!

Это и в самом деле была женщина, вернее, старуха. Невысокая ростом, сгорбленная, морщинистая, закутанная в потрепанную темную накидку, она спускалась по серым камням навстречу дружине без малейшей робости, даже торопилась, с молодым проворством скакала вниз с уступа на уступ, помогая себе можжевелевой клюкой. Сблизившись с фьяллами, старуха отступила с тропы в сторону и пропускала их мимо себя, внимательно осматривая лица.

– Ты кого ищешь, красавица? – осведомился Гельд. – Мо-

жет, хочешь кому-то передать поклон?

Старуха не ответила, даже не посмотрела в его сторону, а ее взгляд внимательно, даже с волнением скользил по лицам фьяллей. Асвальду не нравился ее взгляд, и он уже хотел приказать, чтобы ее убрали с дороги, пока не сглазила кого-нибудь. Но старуха, опередив его, вдруг взмахнула руками, как ворона крыльями, и прыгнула с камня на тропу.

– Постой, доблестный ярл! – проскрипела она.

Асвальд был ей вовсе не рад и попятился. Бранд и Рэв привычно ступили вперед и сомкнули плечи, как щитом за-слоняя ярла от опасности.

– Чего тебе? – грубовато и недовольно спросил Асвальд.

– Где же конунг? – Морщинистое лицо старухи жалобно искривилось, глаза заморгали. – Где же ваш конунг, славный победами? Где он? Почему не пришел он сам? Я жду его! Я так жду его! Когда же он придет?

Поток дружины замедлил ход, хирдманы столпились во-круг Асвальда и старухи.

– Ты спятила! – воскликнул Гейрбранд Галка. – Что тебе за дело до нашего конунга?

– Скажите ему, что я жду его! – настойчиво лепетала старуха, точно глухая. – Скажите, я жду, жду днем и ночью, зимой и летом. Он должен прийти! Он придет! Его ждут железо и золото, земля и вода, камень и ветер! Его ждет Медный Лес! Его заклинают Дракон Битвы и Дракон Судьбы! Скажите ему! Скажите!

– Ведьма! Ведьма!

Раздались негодующие крики, несколько мечей, вырвавшись из ножен, устремилось к старухе. Острая сталь помогла: старуха исчезла, как провалившись, и вдруг оказалась сразу далеко, в самом низу тропинки, у подножия горы. Опираясь на свою клюку, она поспешно уходила в сторону моря, туда, откуда фьялли пришли.

Кто-то свистнул, мечи медленно опустились. Все были в растерянности.

– Я же говорил, что это ведьма, – сказал Сёльви. – Хотелось бы знать: зачем ей наш конунг? Он, помнится, не имел с ними дела...

– Пошли дальше, – хмуро сказал Асвальд. – Нечего стоять. Мы знали, куда идем.

В молчании дружина двинулась дальше. Несмотря на усталость после дневного перехода, фьялли шли даже быстрее: каждому хотелось оказаться наконец в проклятом Медном Лесу и увидеть, каков же тот на самом деле. Асвальд постепенно обогнал всех, за ним держались любопытные близнецы и Гельд Подкидыш. По пути сюда он все плел какие-то лживые саги к удовольствию идущих рядом, но сейчас умолк и внимательно озирался. Болтун, умеющий вовремя замолчать, – настоящее сокровище.

Асвальда наполняло тревожное и лихорадочное нетерпение, как перед битвой. Встреча с ведьмой подтвердила все худшие ожидания, но его упрямство было крепче гор. Он

обещал пройти через проклятый Медный Лес – и пройдет. И даже сорок ведьм верхом на волках его не остановят!

Постепенно из-за склона горы выступали далекие облака, и чем выше поднимался Асвальд, тем дальше расстиралось небо позади горы. Предзакатное небо, голубовато-серое, с синеватыми облаками и красновато-желтым простором позади перезрелого, налитого багряным соком солнца. Там была равнина. Но ведь все говорили, что Медный Лес – горная страна. Почти задыхаясь, Асвальд все ускорял и ускорял шаг, ему не терпелось наконец-то взглянуть в лицо своего врага.

Вот он вышел на перевал, обошел последнюю стайку дрожащих березок, вцепившихся корнями в гладкие, облизанные ветрами серые камни... Впереди была точно такая же долина, как и та, по какой они пришли, и в нее вела тропинка из неровных серых ступеней, выложенных горными троллями. Изумленный Асвальд обернулся. Позади снова открылось то же самое зрелище. И такое же перезрелое усталое солнце медленно садилось куда-то за край земли. Нет, не такое же. То же самое.

Все, кто поднимался вслед за ним, начинали по очереди вертеть головами, сравнивая вид позади и впереди. Раздались изумленные крики.

– А вон и наша ведьма! – кричал Слагви, разглядев внизу, в долине, небольшое темное пятнышко.

– И там тоже! – отвечал ему брат, показывая в другую сторону. В другой долине была другая ведьма, точно так же то-

ропившаяся прочь от горы. — Теперь у нас две ведьмы!

У Асвальда кружилась голова, в душе вскипела холодная ярость. Вот он, Медный Лес! Он морочит с первых шагов, он не хочет пускать чужих на свою землю.

— Это все она и натворила! — кричали вокруг него хирдманы. — Она нас заморочила! Она отводит глаза! Хочет, чтобы мы не нашли дороги!

Асвальд ощупывал рукоять меча. Одна из этих долин — морок, отражение, как бывает отражение в воде. Но которая?

Строй сломался, фьялли бегали по перевалу от одной ступенчатой тропы к другой, сталкивались, как дети в какой-то бестолковой и беспорядочной игре.

— Постой! Мы откуда пришли? — спрашивали они друг у друга. — Оттуда?

— Да ты что? Оттуда! Я тебе точно говорю!

— Мы вот оттуда пришли! — Один тыкал рукой вперед, а другой назад, за плечо. — Виндкар, скажи ему!

— Отстаньте! У меня голова кружится! Я сам запутался!

— Где солнце? Смотрите по солнцу!

— А тебе которое? Два солнца не хочешь?

— Два не бывает! Вы взбесились!

— Это не мы, это Медный Лес взбесился.

— Он и есть бешеный. Нам же говорили.

— Да возьмут его тролли!

— Если мы выберем правильный путь, то попадем в Мед-

ный Лес и морок мало-помалу рассеется, — говорил где-то позади Асвальда Гельд Подкидыш. — А если нет — то опять вернемся туда, откуда пришли. И сможем попробовать заново.

— Но тогда уж мы не дадим ведьме уйти живой! — отвечал кто-то.

Начинать все сначала! Ну уж нет! Не на таких напали! Асвальд шагнул вперед, выхватил меч и тремя взмахами вырубил в воздухе закрытые воротца руны «хагль». Знак гнева небес сожжет любой морок, опрокинет наваждение, разорвет заколдованный круг и выпустит человеческий дух на волю. Клинок его двигался так быстро, что Асвальд успел увидеть в воздухе руну, ярко-алую на фоне густо-синеватых облаков. И такая же ярко-алая, торжествующая радость вскипела в груди: получается! Не зря благородного человека учат руническому искусству! Это достойное оружие против злых чар!

Торопясь, пока не пропала связь духа с силой Одина, Асвальд обернулся, отступил еще на шаг, чтобы никого не задеть, и так же разрубил руной прозрачный вид второй долины позади себя. Хирдманы вокруг стояли неподвижно, и на лицах отражалось благоговейное восхищение: алый очерк руны в воздухе увидели все.

Кто-то рядом охнул. Перед глазами Асвальда все было по-прежнему, но люди вокруг смотрели к нему за спину. Он снова обернулся.

Отражение знакомой долины исчезло. Внизу лежала совсем другая – низкая, узкая, искривленная, сдавленная высокими крутыми горами. В расселинах дрожали желтой листвой деревца и кустарники, топорщился щетинистый можжевельник, быстрый ручей вился змеей между бурыми, серыми, рыжими валунами. От их пестроты мелькало в глазах, казалось, кто-то прячется от тебя, перебегает от камня к камню и снова таится, выжидая удобного мгновения. На дне и в дальнем конце долины царил серый сумрак, лучи закатного солнца сюда не проникали. Здесь уже приближалась ночь, и страшно было шагнуть туда, в царство ночи, из затухающего, но еще светлого дня. Серые тени шевелились, жили своей собственной жизнью и не ждали гостей. Здесь было совершенно пусто, и в то же время Медный Лес дышал. Фьялли, зачарованные впервые открывшимся зрелищем, еще долго стояли над перевалом, не решаясь нарушить покой этой таинственной страны.

При расставании Асвальд сказал Гримкелю конунгу, что целью его похода будет Кремнистый Склон, усадьба погибшего Фрейвида Огниво. На самом деле дружина намеревалась пробираться вдоль западной границы Медного Леса, пройти «по опушке», как выразился Гельд Подкидыш, держа путь на север, и снова выйти неподалеку от долины Битвы Конунгов. Там же назначили встречу с Хьёрлейвом Изморозью и кораблями.

Ночь у подножия Ступенчатой горы прошла спокойно, и только дозорные всю ночь вздрагивали, слушая крики ночных птиц. Утром Асвальд повел своих людей дальше. Двигаться строго на север получалось не всегда, но после полудня глазастый Эймод сын Ульва заметил тропинку. Она тянулась по склону горы в нужную сторону, а главное – указывала на присутствие людей.

Вскоре Гельд, шедший одним из первых, свистнул и призывно взмахнул рукой. В обрыве горного склона он заметил широкие черно-рыжие полосы болотной руды.

– Смотри-ка! – Он ткнул палкой в рудную жилу, показывая подошедшему Асвальду следы пешни. Чужое дело при случае быстро увлекало его и казалось своим, и сейчас он был не меньше фьяллей захвачен мыслью о железе. – Здесь копали руду. И не так давно. Во всяком случае, в этом году. Теперь-то мы не заблудимся. Смотри!

Той же палкой он показал на землю. На мху отчетливо виднелась сглаженная, присохшая полоса – след тяжелой волокуши, на которой возили добычу.

– Потихе! – обернувшись, приказал Асвальд. – Скоро будем у жилья.

Следуя по тропинке, довольно скоро фьялли наткнулись на черную угольную яму. Чуть подальше их виднелся целый десяток. На дне скопилась вода, лежали палые листья. По всему выходило, что работали здесь давно. На каменистой поляне Сёльви и Слагви нашли плавильную печь – она вы-

ступала из земли примерно до половины человеческого роста. Рядом стоял высокий камень с плоской поверхностью, под ним чернели на земле груды шлака.

— Наковальня, — в один голос определили сыновья кузнеца. — Только молота и не хватает.

Молот вскоре нашелся. Над лесом вилась струйка дыма. Рассыпавшись, фьялли неслышно подкрались к опушке полюблевшей рощи и наконец увидели усадьбу. Ворота стояли открытыми, возле них была привязана лошадь, со двора раздавались неясные человеческие голоса.

— Давай! — Как следует приглядевшись, Асвальд сделал знак копьем.

Молча и быстро, как стая теней, фьялли кинулись вперед. Из ворот им навстречу вылетел крупный серый пес, больше-лобый, вислоухий, лохматый, и бешено залаял, приседая и припадая на лапы, прыгая, но не подпуская к себе близко. Истошно вскрикнула женщина, несколько человек на дворе с перекошенными лицами бросились закрывать ворота, но не успели. С оружием наготове фьялли ворвались во двор. Большая часть осталась снаружи — в небольшой усадьбе всем было бы негде развернуться. Из хозяйского дома и пристроек выскакивали хозяева. Мужчин насчитывалось человек десять, не больше. Кто-то сжимал в руке нож, кто-то дубину. При виде множества хорошо вооруженных воинов руки с оружием опускались, глаза вытаращивались. Несколько мужчин прижимались к стенам дома, держа перед собой

топоры и копья. У одного был даже огромный нож для разделки китовых туш, непонятно зачем нужный в глубине полуострова. Только один, рослый бородач с безумно блестящими глазами, ураганом бросился на пришельцев, обеими руками держась за рукоять топора. Двое фьяллей оттеснили его в сторону, а Рэв ловко стукнул сзади щитом по голове. «Хуги, Хуги!» – захлебываясь, кричала какая-то женщина. Но бородач упал, и все стихло. Остальные обитатели усадьбы стояли, опустив оружие, и возле лица каждого поблескивало несколько фьялльских клинков.

Асвальд вышел вперед.

– Кто хозяин? – строго спросил он.

– Хозяина нет, он в лесу, – робко подала голос одна из женщин.

– А это кто же? – Гельд кивнул на бородача, который лежал на земле. Его топор Рэв подобрал и теперь держал в руке.

– Это Хугнад, – ответил кто-то из работников. – Он с побережья.

– Он у вас не берсерк*?

– Кто его знает? – Старик развел руками и бросил на землю подхваченную второпях палку. Его подслеповатые глаза скользили по лицам неожиданных гостей и все не могли найти старшего. – Он уже дрался... с вашими. Говорят, его сильно ударили по голове... Вот так же. И он стал вроде бешеного. То все молчит, а то как пойдет крушить... А кто вы такие и чего от нас хотите?

– Нам нужно железо, – ответил Асвальд. – Мы видели ваши копи, угольные ямы и печь. Оно у вас есть, не отпирайтесь. Отдайте нам его, и мы больше ничего не тронем.

– У нас нет железа. – Старик развел руками. – Ты можешь обыскать усадьбу... ярл.

– Вы ведь не отдали его конунгу. – Асвальд прищурился. Он и не ждал, что ему все с готовностью выдадут. – Значит, оно здесь.

– Мы отдали его конунгу, – возразил старик. – Гутхорму ярлу с Острого мыса. Он был у нас недавно. Только не знаю, отдал ли он его конунгу.

– Но это уже не наша забота! – раздался от ворот резкий голос.

Асвальд обернулся. Без боязни минуя фьяллей, в ворота вошла высокая женщина средних лет, большеглазая, длинноногая, одетая в потрепанную лисью накидку, из-под которой виднелся подол серого платья. В руках она держала охапку хвороста и с шумом сбросила ее возле самых ворот.

– Мы отдали наше железо Гутхорму Длинному! – резким, неприятным голосом продолжала женщина, вызываясь глядя прямо в глаза Асвальду, и его вдруг пробрала дрожь от ее взгляда. – Он собирает дань с Медного Леса, который не защищал! Мы ничем ему не обязаны! Он забрался сюда без разрешения и теперь не может найти дорогу обратно! И не найдет, пока не отдаст железо назад! Ты можешь попробовать отнять у него! Ты, отважный ярл! Хочешь, я укажу тебе

дорогу? Гутхорм ярл собрал много железа! Хватит на мечи для всех твоих людей! Вот только прийти за ним должен сам конунг!

И этой нужен конунг! Асвальд вздрогнул, услышав это слово. Женщина тем временем вытащила веревку, которой была обвязана ее охапка хвороста, и черная веревка как-то странно дернулась в ее руке. На миг показалось, что женщина держит живую змею.

– Поищи Гутхорма ярла! – посоветовала она, настойчиво глядя в глаза Асвальду. – А потом приходи сюда вместе с твоим конунгом, и тогда ты получишь железо. А без него ты получишь только вот что!

Женщина изо всех сил хлестнула веревкой по куче хвороста, и хворост вдруг заизвивался. Десятки людей на дворе разом вскрикнули: перед воротами шевелилась целая груда живых змей. Гадюки, черные, как уголь, коричневые, серые, рыжие, как сосновая хвоя, с черными зигзагами на спинах и гладкие, вертелись, рвались уползти и почему-то не могли; женщины истошно закричали, хотели бежать, но тоже не могли, точно их ноги приросли к земле.

А колдунья резко взмахнула руками, как крыльями, и все исчезло – и змеи, и она сама.

Несколько мгновений фьялли и квитты стояли неподвижно, скованные изумлением и страхом. Потом Асвальд нашел в себе силы оглядеться. Его окружали бледные лица с испуганно вытаращенными глазами, дрожащие губы, руки, стис-

нутые на рукоятях мечей и амулетах.

– И тут ведьма, – вполголоса заметил Гельд. Он тоже был бледен, но уже пытался улыбнуться. – Если она вместо угля топит плавильную печь змеями, то здешнее железо надо продавать на вес золота...

Упрямый Асвальд все же приказал обыскать усадьбу. Здесь нашлось несколько ножей и топоров, явно выкованных недавно; один из работников назвался кузнецом и сказал, что сам их изготовил. И ни одной железной крицы.

Следующую усадьбу не пришлось искать долго – от первой туда вела набитая тропа, поскольку их обитатели часто ходили друг к другу. Жители второй усадьбы оказались предупреждены: фьяллей встретили закрытые ворота и блеск копий поверх земляной стены.

– У нас уже был Гутхорм ярл! – закричали оттуда. – Он забрал все железо, что у нас было. Можете догнать его и убить, нам не жалко. Нам самим придется скоро рубить кремневыми топорами!

По верху земляной стены проворно бегала туда-сюда небольшая серая ворона и издавала странные звуки, похожие на хриплый смех.

– Тоже ведьма! – определил Эймод сын Ульва и ловко запустил в ворону камнем. Камень свистнул над самой головой птицы; ворона возмущенно каркнула и улетела в лес.

– Меня зовут Асвальд сын Кольбейна, я пришел сюда по приказу Торбранда Погубителя Обетов, конунга фьял-

лей! – крикнул Асвальд. – Ваш конунг обязан данью Торбранду конунгу. А если вы этого не знаете, то я сам докажу вам наше право. Я пришел не за тем, чтобы стоять под воротами. Не заставляйте нас их ломать. Если вы сказали правду и железа у вас нет, то ничего другого мы не возьмем.

В этой усадьбе даже топоры оказались старыми. Асвальд подумал было остаться тут на ночь, но потом решил двигаться дальше. В такой тесноте его сотня людей не поместилась бы, а стенам человеческого жилья в этих краях он доверял не больше, чем деревьям в лесу.

Ночь они провели на берегу ручья, окружив стан цепочкой костров.

Дальнейшее не баловало разнообразием. За три дня фьялли нашли еще две усадьбы и несколько мелких дворов. «Ищем, как грибы!» – посмеивался Гельд. По округе побежал слух о пришельцах, и квитты не зажигали очагов. А без столбов дыма отыскать жилье было нелегко: на каменистой земле тропинки терялись, а бревенчатые стены и дерновые крыши сливались со склонами.

На четвертый день фьялли нашли достаточно большую усадьбу, чтобы устроиться на ночлег. Здешнего хозяина звали Сигурд Малолетний: ему было не больше шестнадцати лет, но вся его старшая родня, кроме женщин, погибла в Битве Конунгов, и он еще два года назад остался владыкой большой усадьбы и многочисленной челяди. Уведенных прежними хозяевами людей заменили беженцы: теперь в строении

ях звучал разнообразный говор Севера, Запада и Юга. Большого единодушия не замечалось, и собственные домочадцы вынудили Сигурда хёльда сразу открыть ворота.

Сам Сигурд Малолетний оказался высоким бледным парнем с темными волосами, падающими на плечи; он старался держаться гордо, но видно было, что он с трудом скрывает страх и стыд. Судьба слишком рано заставила его отвечать за всю усадьбу, раньше, чем это стало ему по силам, и приход врагов, которым он не мог противиться, жестоко ломал болезненное самолюбие подростка. В шестнадцать лет любое поражение кажется непоправимым, рождает давящее опасение, что быть побежденным и слабым – твой удел в жизни, так что жить дальше не хочется. И Сигурд Малолетний явно жалел, что вообще появился на свет. Борглинда дочь Халькеля и то держалась тверже, отметил по себя Гельд. Впрочем, она живет рядом с врагами давно и привыкла. Женщины вообще легче привыкают к неприятному, потому что у них больше способов поддержать свое достоинство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.